

Нина
ВАСИНА

Черные
РОЗЫ
для снайпера

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Нина Васина

Черные розы для снайпера

Серия «Следствие ведет Ева Курганова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174376
Черные розы для снайпера: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-008542-7*

Аннотация

Публикация в журнале «Плейбой» фотографий следователя и лучшего снайпера спецслужб Евы Кургановой озадачила многих. Почти все считали Еву погибшей. И именно это дало ей время, чтобы разобраться в загадке серии смертей ученых и техников, связанных с космическими исследованиями, и выйти на след их убийцы – агента ЦРУ Полины Кирилловой. На этот раз Ева встретила достойного противника. Кто кого переиграет?..

Содержание

Часть I	5
Среда	5
Четверг	44
Пятница	129
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Нина Васина

Черные розы для снайпера

*Рае Именитовой и Александру Бородыне в
память о нашей первой встрече*

Охотники делятся на любителей, профессионалов и Белых охотников. Белый охотник изучает повадки животных до степени полного взаимопонимания, а потом ловит животное очень осторожно, чтобы не причинить ему вреда. Он не видит смысла в убийстве и поедании мертвечины. Он не любит запаха крови, он ловит на продажу или на вывоз в те места, где таких животных истребили. Женищины охотятся лучше и удачней мужчин, но и они не могут сравниться с ребенком, потому что ребенок не понимает, в какой момент он становится охотником. Бог никогда не бывает Белым охотником.

Ангел Кумус, магистр. «Книга о женищинах, мужчинах, детях, животных и богах»

Часть I

Пять дней из жизни Евы Кургановой, или Смертельный парфюм плюс специфика психологического образа как залог успеха секретного агента

Среда

Мужчина на перекрестке у светофора открыл переднюю дверцу тупорылого джипа и кивнул, приглашая маленькую рыжую женщину, мокнущую под дождем у автобусной остановки. Женщина неуверенно оглянулась, подошла к машине и осмотрела мужчину. Мужчина ждал, барабанил пальцами по рулю. Женщина приоткрыла рот, облизала нижнюю губу и засосала ее, задумчиво потупив глаза.

– Садись, пока зеленый, – устало сказал мужчина.

– Я хочу сказать, я хочу предупредить... – голос у женщины неуверенный и тонкий. Словно у ребенка.

Мужчина удовлетворенно кивнул. Женщина-ребенок, как он и хотел.

– По дороге предупредишь.

И женщина села в машину.

Она ехала молча четыре минуты, а это был для нее почти рекорд.

– Предупреждай, – разрешил мужчина, оценив ее молчание.

– Я очень опасна, – пролепетала женщина.

– Я тоже, – кивнул мужчина.

– Вы не понимаете...

– Ты маленькая и очень сексуальная. Это я к тому, что всякий понимает опасность по-своему.

– А вы... Подвезите меня, пожалуйста, к метро.

– Я еду кушать, просто кушать, понимаешь? В хорошее и дорогое место.

– Я не хочу кушать, я хочу в метро.

– Сколько тебе лет? – Мужчина достал из открытого пакета леденец, засунул его в рот и катал, постукивая о зубы.

– Двадцать, – честно ответила женщина.

Мужчина кивнул, достал изо рта леденец и протянул его женщине, напряженно глядя на дорогу. Леденец светился – влажный и прозрачный продолговатый кристалл, зажатый тремя пальцами. Женщина взяла леденец.

– Мне столько не дают, я недоразвитая. – Она высунула длинный язык и кончиком чуть коснулась леденца на ладони. – Высадите меня у метро, а то у вас будут страшные неприятности.

– Например?

– Ну... В прошлый четверг меня подвозил один мужчина. Так неудачно получилось. Гаишник ему приказал остановиться, он стал тормозить, прошиб ограждение, и труба от этого ограждения прошла сквозь машину. Сзади у окна стояла клетка с канарейкой. Эта труба пробила переднее стекло, потом заднее, разбила клетку, и канарейка улетела.

Мужчина достал пищущий телефон, внимательно оглядел женщину, поднес трубку к уху. Он стал говорить, а женщина продолжала, жестикулируя, описывать медленный полет канарейки. Договорив, мужчина убрал трубку, затормозил, а когда машина остановилась, закрыл своей ладонью ей рот. Другую ладонь он положил на острую коленку, гладил эту коленку, что-то обдумывая, потом кивнул, словно решившись, и завел мотор.

– Мой сосед по лестничной клетке поехал со мной в лифте, – женщина никак не отреагировала на его поглаживания, – он рассказывал смешной анекдот. Про гомосексуалиста, которого уговорили прийти в церковь на службу, знаете? Лифт застрял между пятым и шестым этажами, свет погас, мы нажимали на все кнопки, потом кричали и стучали, потом пели песни, а когда лифт наконец тронулся и свет зажегся, оказалось, что сосед умер. Сидит на полу синий такой, глаза выпучены.

– Сердечный приступ? – попробовал угадать мужчина.

– Нет. Подавился жвачкой. Когда лифт дернулся, он пел

песню, ну и... Я и не заметила ничего. Мы приехали, вон метро.

– Я все-таки думаю, что ты хочешь со мной покушать.

– Я один раз была в ресторане с двоюродным братом, он захлебнулся в унитазе. Нам было по пятнадцать. Мы выпили, его стало тошнить, он пошел в туалет, ну и... Потерял сознание, упал головой в унитаз.

Мужчина остановил машину. Он достал пачку сигарет и зажигалку. Напряженно всматриваясь в вечерние огни, словно решая трудную задачку, он прихватил зубами сигарету и устраивал поудобней в большой пухлой ладони золотое тельце зажигалки. Он вспомнил, где у него лежит рулончик лейкопластыря, и удовлетворенно кивнул. Ничего не поделаешь, женщина очень хороша и в его вкусе – маленькая и хрупкая. Нет в мире совершенства. Придется просто залепить ей рот. Закурив, он собрался двинуться с места, но от сильного удара сзади в бампер машины дернулся и выронил сигарету. Она упала, прожигая дымящуюся дырочку на брюках. В ложбинке между ногой и складкой опустившегося живота. Чертыхаясь, он бил себя по ноге, отстегивая ремень безопасности, и только собрался выйти из машины и выяснить отношения, как сильный удар повторился. Мужчина упал на руль лицом и выбил передние верхние зубы.

Женщина отстегнула свой ремень, открыла дверцу и вышла из машины. Она осмотрела улицу, вплеившиеся сзади в джип старенькие «Жигули» и выпученные от страха гла-

за водителя, потом вlepившийся в «Жигули» «Мерседес», его водителя, с тупым недоумением осматривающего передок своей машины. Из джипа вышел подвозивший ее мужчина, рот его был окровавлен, женщина неуверенно помахала ему рукой и чуть-чуть улыбнулась. С ладони упал желтый леденец. Подоспевший милиционер поинтересовался ее именем. Женщина сказала, что ее зовут Фаина и она совершенно ничего не видела. Она ушла на огонек метро не оглядываясь. На Москву куполом налегло темное ночное небо. Часы в метро показывали двадцать три тридцать.

Двадцать три сорок. Ева Николаевна проходит последний инструктаж. Она любовно поглаживает ствол великолепной винтовки с оптическим прицелом и повторяет, кивая головой, за начальником спецгруппы. Начальник от переутомления заикается и смотрит на женщину воспаленными глазами.

– В случае отсутствия освещения в окнах включить прибор ночного видения.

– Включить прибор ночного...

– Вы подчиняетесь непосредственно мне, вопросов не задавать.

– Вопросы не задавать. – Ева не смотрит на офицера, она почувствовала его напряжение и недовольство, как только вошла в комнату. Вероятно, его не предупредили, что снайпер – женщина.

– Устроиться на крыше и выбрать хороший прицел.

– Устроиться на крыше...

– В течение сорока минут отслеживать террориста. В случае неудачи в ноль тридцать ровно спуститься сюда и получить дальнейшие указания по проведению операции «Освобождение заложника».

– Чтобы спуститься сюда в ноль тридцать ровно, я должна уйти с крыши в ноль двадцать четыре.

– Это вопрос? – повышает голос старший офицер.

– Никак нет, товарищ майор.

– Действуйте!

Ева бежит по лестнице шесть пролетов, двумя руками прижимая к себе винтовку. За ней едва поспевает розовощекий лейтенант.

– Это он только когда нервничает такой... грубый, – лейтенант запыхался. – Он знаешь какой! Он, ну... – лейтенант отстал на три пролета, и Ева так и не узнала, какой хороший у него начальник.

На крыше ее ждут. Пробежками, пригнувшись, проводят к месту. Ева становится на колени, все еще прижимая к себе винтовку, и смотрит на освещенные окна «сталинского» дома напротив. Шестнадцатый этаж. Два окна. Сквозь занавески в одной комнате просматривается красное пятно абажура. Рядом с Евой сдерживают дыхание спецназовцы. Ева кладет винтовку и медленно ложится на живот. Двое огромных мужиков тут же укладываются рядом с двух сторон.

– Тут видишь какое дело, – шепчет один, Ева отворачивается от запаха табака, – заложник наш, похоже, на последнем издыхании. У нас надежда, что он лежит связанный в уголке...

– Ты чего шепчешь? – спрашивает Ева.

– Что?

– Не шепчи, – она пристраивает приклад поудобнее к плечу. – Он тебя не слышит. Мне доложили обстановку.

– Главное, этот гад шторы не открывает ни днем, ни ночью! Придется стрелять по пятну сквозь занавеску. Если не убьешь сразу, сама понимаешь...

– Я понимаю, – говорит Ева, поймав оптическим прицелом тонкую щелочку между занавесками. Она видит фактуру тяжелой портьерной ткани, выпуклый рисунок на ней и просветы тусклого абажурного света там, где портьеры чуть-чуть расходятся.

Второй спецназовец спокоен, лежит на боку, подперев голову рукой, и грызет спичку, разглядывая Еву. Ева раздувает ноздри, вдыхая запах хорошего одеколона и мокрой одежды. Она слышит, как дыхание мужчины учащается.

– Внимание... – треск в рации и напряженный голос майора. – В квартире замечено передвижение.

Ева всматривается почти не дыша. Тонкая полоска занавесок раздвигается, Ева ловит оптическим прицелом голову объекта и вдруг вздрагивает: в разрезе маски-шапочки, закрывающей лицо, на нее смотрят раскосые черные глаза.

– Женщина, – шепчет Ева. – Террорист – женщина! – Указательный палец осторожно и почти ласково поглаживает спусковой крючок. – Черт!

Черный силуэт в окне медленно опускается вниз и пропадает.

Ева моргает, судорожно сжимая веки, и сгоняет по виску вниз каплю пота. Над подоконником, в прорези чуть раздвинутых занавесок, поднимается голова в черной шапочке, пальцы в перчатке раздвигают занавеску пошире, в прицел не видно раскосых глаз – только затянутый трикотажем лоб, а рука кладет на подоконник гранату.

– Ну же! – почти кричит дублер Евы, он не лежит, он стоит на одном колене и смотрит через свой прицел в то же окно, у него приказ – стрелять только вторым. – Ну!.. Твою...

Ева нажимает на спуск. Голова в окне исчезает. Сквозь увеличитель прицела ребристый бок гранаты на подоконнике близок и почти осязаем – темно-серый, панцирно-черепаший.

– Точно в лоб! – говорит, не отрываясь от своей винтовки, дублер.

– Если это был лоб, – вздыхает Ева.

С крыши дома напротив по веревкам спускаются черные фигурки с автоматами, слышен звон вышибаемого стекла, вот первый акробат становится на подоконник и машет рукой, занавески раздвигают.

– Порядок! – Мужчины встают. Ева отводит руку одного

из них и сама несет винтовку вниз. За ней спускаются молча – шесть человек из группы на крыше очень устали за два дня постоянного напряжения. Дверь квартиры на двенадцатом этаже открыта, на Еву вылетает майор с выпученными глазами.

– Отдай оружие! За мной, на место!

Что-то случилось. Спрятанная взрывчатка, заминированный заложник, бронированный лоб террориста – больше ничего в голову Еве не приходит.

Они пробегают по мокрому двору. Темно.

В подъезде шестнадцатэтажки в угол с кадками и стойками с цветочными горшками забила перепуганная консьержка. Застывшими истуканами стоят у дверей два крепыша в пятнистой форме. Майор, запыхавшись, жмет кнопку лифта. Ева, ничего не говоря, перескакивает через ступеньки. На задании она не ездит в лифтах. Пока мелькают серыми ребрами цементные клавиши, Ева старается правильно дышать и ни о чем не думать.

Дверь в квартиру на шестнадцатом этаже открыта. Мужчины, столпившись, стоят у расprostертого под окном на полу тела. Довольно упитанная женщина в ярком халате, мягких домашних тапочках, на каждом по два выпученных глаза – тапочки носами изображают морды каких-то животных, самая нелепая деталь ее одежды – черная трикотажная шапка-маска с прорезями для глаз и рта. Майор делает жест рукой, как будто предлагает сдернуть очки. С женщины на по-

лу снимают шапочку. Ева, прищурившись, осматривает посиневшее лицо с выпученными глазами, растекшуюся косметику на скулах и аккуратную дырочку ровно посередине лба.

– Дерьмо, – говорит она, закрывает лицо руками и оседает на пол, привалившись спиной к стене.

– Я не понял, а где заложник? – Удивленный спецназовец снимает с головы шлем. Он спускался с крыши и разбивал окно. Ева убирает руки от лица и вскакивает на ноги.

Она пробегает по комнатам, распахивает двери в ванную и туалет, в кухне от отлетевшей двери содрогнулся высокий шкаф-пенал, и на пол упал, разлетаясь осколками, глиняный горшок.

– Так ведь это самое, – не отстает от нее лейтенант, – осмотрели уже все, ничего не понимаем!

– Она ушла, – Ева подходит к майору. – Разрешите доложить, она ушла!

– Кто – она? Заложница?

– Нет. Террористка. А заложница – вот она. В халате и тапочках.

– Вы убили заложницу? – спрашивает майор шепотом.

– Я так не думаю. Я могла попасть ей в лоб, но удушить ее выстрелом – это навряд ли. Она где-то рядом. Она находилась в квартире, ведь выйти было невозможно, пока не разбили окно и не вышибли дверь. Потом вы сняли людей, она была здесь и ушла.

– Молчать! – это тоже шепотом. – Почему вы стреляли в эту женщину?

Ева не отвечает, проходит в комнату и опускается перед мертвой женщиной на колени. Она нюхает ее рот.

– Ничего не трогать! – перед ней предупредительно выставляют ногу в огромном ботинке со шнуровкой.

– Тело трогали? – Ева не смотрит на хозяина ботинка.

– Ничего не трогали и тебе нельзя. Ты попала в заложницу. Уж расследование как минимум назначат. Так что не крутись здесь.

Ева заглядывает в прорезь халата и встает.

– Разрешите доложить, – она вытянулась перед майором. – Когда я в нее стреляла, заложница была мертва. На мертвую женщину надели маску и приподняли ее над подоконником. После выстрела террористка, если она была одна, дождалась, когда все бросятся в квартиру спасать заложницу, и в суматохе ускользнула.

– Как тебя зовут? – Майор тер глаза. – Е – это Елена?

– Ева Николаевна Курганова.

– Значит, Ева. Перечисли признаки, по которым ты решила, что стреляла в мертвую заложницу.

– Отсутствие крови, синюшный цвет лица, запах кожи и губ, а также запах экскрементов и пятна на внутренней поверхности ног умершей.

Майор трясет головой, подходит к лежащей женщине, наклоняется и рассматривает раскинутые полные ноги.

– И что же эти пятна и запах экскрементов подтверждают?.. – Он подыскивает слова, потом оглядывается, ему приносят стул. Майор тяжело садится и с удивлением смотрит снизу на стоящую перед ним Еву.

– Когда женщина умерла, у нее произошло расслабление кишечника. Те, кто был с ней в квартире, вытерли заложницу как смогли. В ванной лежат грязные простыни. Уже тогда они хотели как-то использовать мертвое тело, чтобы уйти из квартиры. Узнай вы, что заложница мертва, вы бы сразу пошли на штурм.

– Подожди, почему «они»? По всем данным, террорист был один.

– Это была женщина. Я видела ее глаза в прицеле, это женщина или очень молоденький паренек. А мертвая женщина весьма в теле. Такую трудно переносить, приподнимать. Но вы правы. Вдвоем уйти трудно. Она была одна, она сильная, и она ушла при ваших людях.

Майор вскакивает, оглядывается, словно только что заметил суету – принесли носилки, фотограф убирает аппаратуру, доктор кричит на служивых, в кухне звенят посудой – обыск и тщетная надежда найти хоть какие-нибудь отпечатки.

– Ушла, значит, – говорит майор в раздумье. – За дверью – мои люди, с крыши на веревках – в окно – мои люди. Покажи, каким образом она ушла!

Ева вздыхает и смотрит на часы.

– Есть показать, – она идет в соседнюю комнату, осматривает кровать и шкаф, маленький столик и старинное трюмо. На трюмо – выставка коробочек и пузырьков. – Окно открыто! – Ева оборачивается к двери и видит, что с майором вошли за ней в комнату еще трое и смотрят, застыв лицами, словно в ожидании фокуса. Ева высовывается в окно. – Ладно, ухожу.

Она влезает на подоконник, и мужчины задерживают дыхание, потому что Ева делает все медленно, движения ее плавные и осторожные – черная ящерица с панцирем бронжилета.

– Время засекали? – Женщина оглядывается, ставя ногу на выступ снаружи, трое мужчин дергаются и одновременно смотрят на часы. Ева делает один шаг по выступу на стене, влипая в кирпичную кладку. Этого шага ей хватает, чтобы дотянуться до веревки, по ней спускались с крыши спецназовцы. – Я ушла.

Отталкиваясь ногами от стены, Ева поднимается на крышу. Луна бледным отекившим лицом проглядывает сквозь быстро плывущие облака. Ева пробегает по крыше, выхватывая взглядом свежие окурки, – здесь, наверное, ребята ждали сигнала спускаться, тускло светится горлышко пустой бутылки от пепси. Короткоствольный автомат лежал за выступом воздуховода, в голубиной пачкотне, ничем не прикрытый, одинокий и даже какой-то беззащитный.

– Эй! – Неугомонный лейтенант по приказу командира

взобрался за ней по веревке на крышу и кричал издалека. – Нашла чего? Ты смотри поосторожней, не трогай! – Он подбежал, увидел оружие и восхищенно присвистнул. – А то в прошлом месяце в подвале милиционер поднял найденный автомат, его в ключья разнесло. Заминировали. И куда ты, допустим, отсюда денешься потом?

– Можно спуститься на металлическом захвате по проводу вон на ту крышу внизу. А можно по пожарной лестнице до ближайшего окна в другом подъезде. А может, она сидит рядом. Подладилась под луну и спрятала свою тень.

Лейтенант расстегнул кобуру и огляделся.

– Навряд ли. Сбежала небось. Чего ей сидеть здесь?

– Что она потребовала, когда захватила заложницу?

– Да мы, пока ты не сказала с крыши, что это женщина, и не знали – она вообще или он! А насчет требований... Это очень закрытая информация. – Лейтенант важно кивнул, нахмутив брови, Ева поняла, что он ничего не знает. Она почувствовала, что устала, но нашла пожарную лестницу, опробовала ногой тонкую металлическую перекладину-ступеньку и стала спускаться. На уровне двенадцатого этажа в летнюю мокрую ночь было распахнуто окно, Ева шагнула на карниз, держась одной рукой за лестницу, и почти свалилась на целующуюся на подоконнике парочку.

Ее ждали на улице. Человек пять тихо переговаривались и курили. Ева подошла к самому высокому.

– Пожарная лестница. На двенадцатом этаже открыто ок-

но в подъезде. Следов никаких. — Ева показала рукой вверх.

— И у нас с отпечатками ничего. А вот автомат с крыши пахнет духами, так что наш майор тебя жутко зауважал! Может, понюхаешь и по запаху определишь возраст и сексуальную ориентацию? — Ева не видела лица говорившего, в темном дворе света не было, только фары служебных машин разрезали ночь, выхватывая кое-где тяжелую мокрую зелень кустов сирени, да светились одинокие окна. Пробегали служивые, снимая оцепление.

— Не хохми, все это очень грустно. — Еве не хотелось ругаться.

— И почему это грустно? Это же конкретно — улика!

— Это не улика. Это говорит о том, что работал не профессионал. Вот и найди теперь террориста-любителя, хохмач.

— Да ладно! От тебя тоже пахнет, скажешь, нет?! А нам столько наговорили! Уж похлеще тебя, наверное, профессионала не найти! Ты же полезла на крышу стрелять при полной раскраске на лице и с «Шанелью» какой-нибудь! Баба — она и есть баба!

Ева отвела голову в сторону и посмотрела в осветившееся слабым светом лицо перед ней. В возрасте и челюсти сжимается, значит — злится.

— Да меня с праздника выдернули. Из-за стола почти.

Мужчина перед ней затоптал окурок и сплюнул.

— Подвезти? — спросил он уже другим тоном.

— Нет, спасибо. Я отчитаюсь и еще успею в метро. Мне на

метро удобней. А духи у меня «Юсико», а не «какая-нибудь Шанель». И знаешь что, я, пожалуй, понюхаю этот автомат. Прощай! – Ева стаскивает бронежилет и идет к подъезду.

– Столкнемся!

В ноль часов сорок семь минут Ева вбежала на станцию «Октябрьская»-кольцевая. Она любила ночные станции метро – тишина и перспектива длинных пустых проходов, ощущение параллельности пространства, как в детстве, когда первый раз читаешь Стругацких. Подъехавшая электричка была почти пуста. Вереница освещенных вагонов с застывшими кое-где фигурками одиноких пассажиров. В вагоне, куда зашла Ева, сидели две женщины. В разных углах, одинаково закинув ногу на ногу и отвернувшись в разные стороны, словно и одна и другая напряженно высматривали кого-то в соседних вагонах. Ева села, расслабила спину и глубоко-глубоко вздохнула. Она закрыла глаза и попробовала представить себя на месте террористки, захватившей в квартире на шестнадцатом этаже пожилую женщину, явно сердечницу, в халате и мягких тапочках. Допустим, женщина умирает от сердечного приступа, террористке деваться некуда. В дверь не выйти. Пожалуй, то, что она проделала, было оптимальным.

Двери открылись, в вагон вошли трое мужчин. Они нарочито громко два раза пересчитали количество женщин в вагоне и сказали, что им как раз столько и надо. Ева посмотре-

ла внимательно в лицо того, который подошел к ней. Совсем молоденький, щетина на щеках пушистая, а взгляд наглый, глаза почти черные от расширенных зрачков. Двое других разошлись в разные концы вагона и громкими возгласами обсуждали «своих куколок».

– Мужики, у меня совсем цыпка, небось еще в школу ходит!

Ева повернулась на голос и посмотрела на «цыпку». Черт, действительно, совсем девочка сидит, рыжая, глаза в пол-лица и испугана до оцепенения.

– А у меня фотомодель! – крикнул другой.

С другого конца вагона на Еву спокойно посмотрели чуть раскосые глаза. Женщина была хороша, с длинными ногами и большими узкими ладонями, – она обхватила коленку пальцами в кольцах, черные прямые волосы гладким шелком лежали на плечах и груди. Ева вздохнула, хоть эта спокойна!

– Не, вы тока гляньте на мою! – закричал стоящий рядом с Евой пушистенский молодец. – Это вообще! Это, я вам скажу!

Ева внимательно осмотрела двух других мужчин. Один в возрасте и изрядно пьян. Он, пошатываясь, стоял возле девочки. Другой, коротконогий и какой-то хищный, быстро бегал глазками и не вынимал правую руку из кармана.

Электричка остановилась. Двери открылись.

– Сидеть! – крикнул пьяный девочке, которая судорожно дернулась, пытаясь убежать.

В вагон зашел мужчина, но Ева с первого взгляда поняла, что помощи от него не будет. Он огляделся, неуверенно улыбнулся на громкий мат, которым пожилой одаривал девочку, отвернулся лицом к двери и, вероятно, молил бога, чтобы быстрее открылась дверь и он успел выскочить.

– Не трогайте меня, – плаксиво и громко заверещала девочка. – Не надо, вам будет очень плохо, понимаете!

Ева посмотрела в другой конец. Коротконогий небольшим ножичком разрезал на красавице с длинными волосами блузку, медленно двигая его снизу вверх. Женщина смотрела перед собой с таким спокойствием, что Ева заподозрила у нее слабоумие.

– Вы не понимаете, в седьмом классе ко мне пристал один мужик возле подъезда, это было ужасно! – Рыженькая кричала странно, как будто играла сценку. – Не надо меня трогать! С балкона со второго этажа на него упал огромный горшок с кактусами! Он стал убегать с окровавленным лицом... Убери руки, кретин, ты умрешь, это точно! Его переехала машина, он ее как-то не заметил, потому что выковыривал из своей морды колючки! Попролам! Ну все!

Она завизжала, упала на спину и стала болтать в воздухе ногами, пожилому пришлось упасть на эти ноги, он заполз на нее и ударил кулаком в лицо.

Ева подняла голову и посмотрела в глаза стоящего напротив нее мужчины.

– И не думай! – покачал он головой, и в его ладони из

невидимой ручки, щелкнув, выскочило короткое широкое лезвие. – Порежу твою фейсу красивую на ленточки.

Электричка стала тормозить перед станцией, Ева подгадала, когда крупное тело перед ней качнется, стараясь удержаться на ногах, подпрыгнула, схватившись руками за поручень вверху, а ноги закинула на плечи вытаращившего глаза мужчины. Она с силой сжала бедрами его голову и ударила пятками в поясницу. Мужчина прогнулся назад, они стали падать, Ева удачно приземлилась коленками на сиденье напротив, встала на ноги и резким ударом обеих ладоней по ушам прекратила его вопли. Она отошла от обмякшего тела. Из вагона в панике убегала вошедшая туда на остановке парочка. Пока Ева раздумывала, в какую сторону ей пойти, «фотомоделю» коленкой ударила между ног мужчину, разрезающего на ней одежду, медленно и даже лениво завела его руку с ножичком назад, обхватила своей ногой в тужурке на шпильке его ноги и опрокинула мычащего мужика на пол. Постояла задумчиво и вдруг резко и сильно подпрыгнула вверх – взметнулись крылом блестящие волосы. Она с хрустом приземлилась на его грудь, и ей пришлось приложить усилия, чтобы вытащить тонкие металлические каблук. Мужчина страшно закричал, у Евы пробежал по спине холодок. Рыжая в другом углу что-то рассказывала, визгливо и безостановочно. Ударивший ее мужчина встал и, дергаясь побледневшим лицом, достал пистолет.

– Вы что, девчонки... Я же пошутил! – Он быстрым взгля-

дом прикинул расстояние до двери.

Ева, по-обезьяньи подтягиваясь руками на поручнях, в два перехвата оказалась рядом с ним, глядя в черное дуло в трясущейся руке. Газовый. Она висела пару секунд, примериваясь, как безопасней для себя ударить ногой в лицо, и тут прогремел выстрел. Рыжая завизжала и закрыла голову руками, Ева удивленно смотрела на падающего перед ней мужчину. Она спрыгнула на пол, наклонилась, отбросив ногой его пистолет, и внимательно рассмотрела красное пятно на голубой рубашке чуть пониже плеча. Медленно обернулась. «Фотомодель» застегивала маленькую сумочку.

– Переделан в боевой, – она кивнула на пистолет на полу. Ева удивилась ее голосу – низкому и густому, еще раз внимательно посмотрела на пистолет на полу.

Эта странная невозмутимая женщина с дальнего расстояния определила, что газовый пистолет переделан в боевой.

– А у тебя? – На Еву нашло какое-то оцепенение.

– А что у меня? – Женщина смотрела насмешливо, кривя в улыбке ярко-вишневый рот. Ева разглядела на ее лице россыпь веснушек, крошечный вздернутый нос и шикарные скулы. Блузка, разрезанная до пояса, маленькие, удивительно круглые груди с темными выступами сосков.

– У тебя есть разрешение на ношение оружия? – Ева не могла отвести глаз от черных зрачков.

– Какого оружия? – Глаза округлились.

– Еще был пэтэушник, он жил напротив, мерзкий прыща-

вый гад, все время приставал, поджидал меня возле дома! – Рыжая подтянула к себе ноги, обхватила их руками и говорила безостановочно. – За ним погналась собака, он упал возле трамвайного пути, его голова ударилась об рельсу! Она раскололась, я вам точно говорю!

– Полина! – Женщина протянула длинную узкую ладонь.

Ева удивленно взяла ее в свою, и они сжали руки так сильно, как только обе смогли вытерпеть.

– Ева. А ты хороша! – Ева потрясла занывшей рукой.

– Ты тоже ничего. Заткни ее, а мне здесь выходить.

Ева, не двигаясь, смотрела в спину уходящей женщине.

– Знаешь, какого цвета мозги? – не унималась женщина в углу, икая, крича и плача одновременно.

– Знаю, успокойся.

– А вот и нет! У мозгов нет цвета!

– Если ты не заткнешься, придется тебя ударить. – Ева подошла к ней и увидела, что это не девочка. Это маленькая женщина с распухшим мокрым лицом, на котором заплывал один глаз.

– Умная, да? Ми...милицию вызвали? Они умерли? Я предупреждала!

Ева села рядом с ней, проклиная все на свете. Она совсем забыла про милицию. Праздник пропал.

В час двадцать ночи Климентию Фаберу была оказана срочная стоматологическая помощь, кровотечение остано-

вили, под верхнюю губу была заправлена эластичная пластинка, холодившая десну. Это стоило ему почти сотню долларов, Фабер страшно удивился, что зубы нельзя сделать сразу же, предлагал любые деньги, но врач мягко и настойчиво, с упорством заевшей пластинки, объяснял, какого именно цвета должны быть выделения из ротовой полости – слюна то есть, – чтобы проводить любого рода протезирование. Наличие красного и розового цвета эту процедуру исключало полностью.

В вестибюле Фабер внимательно осмотрел себя в зеркале. Верхняя губа опухла и не закрывалась, под ней молочно-белым цветом светилась пластиковая пластинка, закрепленная на боковых резцах.

– Ерьмо хобасье, – медленно произнес Фабер, потренировался еще, слово «дерьмо» с третьего раза стало получаться, но прилагательное не давалось.

Опустившись в некотором оцепенении в мягкое кресло, Фабер окончательно понял, что завтрашняя встреча невозможна, что поесть ему сегодня тоже не удастся, что ночь пропала, что никогда еще он не желал так сильно убить кого-либо, как сейчас эту...

Климентий Фабер, мужчина в расцвете сил, весьма в теле, уверенный в себе, не потерявший к сорока шести годам густую волнистую шевелюру, ухоженный и немногословный любитель женщин определенного сорта, решил просто напиться как следует, отменить на завтра все встречи, не ис-

кать проклятую шлюшку, чтобы удавить ее на месте, а проваляться в постели, дать возможность своей слюне обрести нормальный цвет, и это мудрое решение говорило о том, что, ко всем прочим достоинствам, Климентий был оптимистом и умницей.

Всего лишь через тридцать пять минут после ее сообщения машинистам по селектору отделение милиции станции «Баррикадная» Московского метрополитена предстало перед разъяренной Евой Николаевной в полном составе: две стройные свеженькие девушки – младшие лейтенанты и явно нетрезвый пожилой капитан.

Ева сидела рядом с рыжеволосой, прижав ее к себе и закрыв ей рот рукой.

– Ранена? – поинтересовался капитан, показав на женщину.

– Спит. – Ева старалась успокоиться.

– А это зачем? – Капитан с размаху залепил себе рот рукой и вытаращил глаза, покачнувшись.

– У нее была истерика, она говорила безостановочно, я заткнула ей рот, она сразу успокоилась и заснула.

– Та-а-ак. А эти?

– Двое ранены, один перепуган.

– Сейчас. Сейчас мы составим с вами рапорт. Да! Ее придется разбудить. Вы видели, кто это сделал?

Девушки прошли по вагону, достали рации.

У Евы вдруг мелькнула безумная мысль, что неплохо бы ей вдруг потерять память и сказать, что они с рыжей вошли в вагон, когда все это здесь уже лежало.

– Запишем данные. Данные. Ваше имя, пожалуйста!

Рыжая пошевелилась, отодрала руку Евы от своего рта, распахнула глаза и сообщила:

– Филомена. Филомена Талисманова. Я их предупреждала, я им сразу сказала, что если только меня тронут!.. Я думаю, они не выживут.

– Гражданочка, вы это... Вы присутствовали?

Одна из девушек отрапортовала, что «Скорая» и отдел по разбойным нападениям предупреждены, капитан тер ладонью щеку, стараясь вникнуть в то, что говорила Филомена, в особенно трудных для объяснения местах она вскакивала и показывала наглядно, как все было. Наименее пострадавший бандит пришел в себя, открыл глаза и смотрел в оцепенении на рыжую женщину, повисшую одной рукой на поручне и болтающую ногами, при этом она изображала пострадавшим лицом то ужас, то удивление и непрерывно говорила.

Ева сидела молча, ее словно укачало, она не могла отвести глаз от дергающейся перед ней Филомены. Четверо бравых и веселых мужиков в форме вошли в вагон, осмотрелись и убрали оружие. Капитан встал и отрапортовал:

– Разбойное нападение с применением оружия. Двое раненых, один описавшийся от страха, одна нападавшая и одна ненормальная.

– Ах ты!.. – задохнулась от возмущения рыжая. – Да вы только посмотрите, он же пьян! Мы оборонялись! Мы целый час ждали, пока он изволит явиться!

Четверка из отдела по разбойным нападениям осмотрела Еву, оценивая. Ева вздохнула и достала удостоверение. Мужчины посмотрели его все. По очереди. Последним был капитан. Потом они разошлись по вагону, осматривая лежащих.

– А где «Скорая»? – кричал, потирая уши, сидящий на полу. – Может, она мне барабанные перепонки лопнула!

Проходящий мимо офицер молча захватил его волосы рукой и ударил лбом о свою коленку. Стало тихо. Офицер внимательно осмотрел коротконого, потрогал его раны на груди и растер на пальцах кровь.

– А как вы, старший лейтенант, объясните происхождение этих ран? – Он посмотрел снизу на Еву, а Ева посмотрела на свои туфли-лодочки на низких каблуках.

– Я уже все объяснила этому пьяному милиционеру! – заверещала рыжая. – Это от каблуков, каблуки были на...

Ева захватила ее голову рукой, зажала под мышкой и ладонью залепила рот.

– Отведите нас, пожалуйста, в ближайшее отделение, мы хотим дать показания. – Ева лихорадочно вспоминала. В шести как минимум отделениях Москвы у нее были хорошие знакомые, а в случае полного непонимания можно было воспользоваться телефонной дружбой.

Весело хохоча, по платформе шли к вагону медбратья с носилками.

– Ну, в отделение так в отделение. Двинули!

Первым выходил из вагона нетрезвый капитан. Он обернулся в дверях, словно что-то вспомнил, покачнулся и провалился ногой вниз, в узкое пространство между металлическим боком вагона и платформой. Проорав все, что он знал о половых органах мужчин, женщин и насекомых, капитан стал стонать и удивляться, пока двое из отдела по разбойным нападениям пытались вытащить его ногу. Удивлялся он тому, как вообще его упитанная нога ухитрилась выше колена проскользнуть в эту щель. Удивленные, стояли на платформе девушки в форме, медбратья советовали отпилить ногу, пока она не затекла – потом вообще не достать. Ева прижала к себе посильней брыкающуюся женщину, подняла ее лицо вверх и заглянула в возмущенные глаза с мокрыми ресницами.

– Пьяная сволочь! – прошипела женщина, отодрав от своего рта пальцы Евы. – Разве тебе не хочется, чтобы ему отпилили ногу?

Майору Карпелову позвонили в три часа ночи.

– Извини и пойми, – сказали ему, – если не ты, то... сам понимаешь!

И в двух словах описали, зачем ему нужно немедленно явиться в свое отделение.

– Слушай, запри эту чуму в камере до утра, – зевая, предложил майор.

– Я запру. Я запру! – закричал в трубку дежурный. – У меня как раз двое наркоманов здесь все заблевали. Пусть они содохнут на хрен, не жалко! Но мне-то куда деваться? И объяснительную я писать потом не собираюсь, она же, как всегда, – свидетель!

– А что там у тебя с нападавшим? – поинтересовался Карпелов, вставая с тахты.

– Нападавшая, – сказал дежурный, – ждет тебя, хочет, чтобы ты допрос потерпевшей провел в ее присутствии.

– И что, она еще не упала, ничего не сломала, эта нападавшая? – Карпелов натягивал джинсы. – Не подавилась жвачкой, не отравилась водой из-под крана?

– Жива, – дежурный помолчал. – Она хочет с тобой говорить, а эту свидетельницу носит под мышкой.

– Пусть говорит, – потянулся Карпелов, потом, услышав голос в трубке, замер и удивленно сел. Лицо у него сделалось беззащитно-глупым, пока он не стал улыбаться. С улыбкой это было вполне располагающее к себе лицо с крупным носом, нависшим над черными усами, выступающим подбородком, высоким лбом, небольшими темными глазами. Под усами майор Карпелов прятал мягкие губы нежного рисунка, которые ужасно нравились его любимой женщине. В свои сорок два он был подтянут, двигался всегда быстро и ловко и был любим сослуживцами за неистребимую веру в право-

судие.

– Ах ты, чудушка моя! – закричал он. – Будь осторожна с этой чумой! Я мигом!

В отделении Ева протянула Карпелову руку, а он обнял ее, подмигнув дежурному.

– Ну как вы тут, все живы? – спросил он весело, увлекая Еву за собой в коридор.

– Никак нет, товарищ майор, – дежурный встал, – у меня с животом что-то не в порядке.

– Это от страха, расслабься, подумай про что-нибудь хорошее, выпей крепкого чая. Где она?

– Она в четвертом кабинете.

– Ты оставил чуму одну в кабинете?

– Вот именно, что одну. Там больше никого нет. Авось обойдется.

– Ладно. Ты, Ева Николаевна, в этой истории кто?

– Сначала я думала, что потерпевшая, офицер из группы захвата считает, что нападавшая, а твой дежурный все время норовит меня запрятать куда-нибудь. Карпелов, подожди. Ты знаешь эту женщину? Талисманову?

– Знаю ли я эту женщину... – Карпелов задумчиво потер правой ладонью левую. – Понимаешь, какое дело. У нас в отделении ее знают все. У меня ребята ее издалека на улице узнают, чтобы успеть спрятаться. Ни одна валютная шлюха, ни один лифтовой маньяк не имеет у нас такой толстой пап-

ки, как эта рыжая. Ладно, излагаю в двух словах, – улыбнулся он округлившимся глазам Евы. – Официально она допрашивалась двадцать три раза как свидетель самых невероятных несчастных случаев.

– Слушай, когда нас сюда привезли, я попросила вызвать тебя, а дежурный сказал, что, кроме тебя, эту женщину никто и не допрашивает.

– А-а! Это хитрый маневр. Я допрашивал ее четыре раза и отделался только распоротой рукой. Нежно так пробил себе руку дыроколом. У нас с ней полное взаимопонимание. А ты как на нее напоролась?

– Мы ехали вместе в одном вагоне метро. Вошли трое мужиков, стали приставать. Ну и... Я оборонялась, ничего не успела сообразить толком, а...

– А все трое уже мертвые, – договорил за Еву Карпелов.

– Да нет. Когда их увозили, были живы. Но в плохом состоянии.

– Она кричала кому-нибудь, что он умрет?

– Кричала, кажется, кому – не помню.

– Так оно и будет, – грустно кивнул Карпелов, отмыкая запертую дверь в кабинет с номером 4.

Женщина составила три стула, устроилась на них, подтянув ноги и примерно сложив руки под щекой, и лежала нежным пушистым ангелочком с приоткрытым ртом.

– Просыпайся, детка, папочка пришел! – Карпелов показал Еве на стул и зажег настольную лампу, оглядывая зава-

ленный бумагами стол. – Как нас сегодня зовут?

– Филомена, – пробормотала рыжая, вставая.

– Ну, Филомена, процедуру ты знаешь. Ты мне все быстро и честно рассказываешь, а я отвожу тебя домой баиньки.

– Мороженое! – пробормотала Филомена потягиваясь.

– Да, совсем забыл, – Карпелов посмотрел на часы, – с мороженым может быть проблема, ночь на дворе.

– Мороженое! – повысила голос женщина.

– Ладно, не нервничай, я знаю один круглосуточный магазин, у них, кажется, был холодильник с мороженым. Итак?

– Я ехала домой, – сказала Филомена, борясь с зевотой.

– Нет, детка, начни издалека. Откуда ты ехала, почему и с кем.

– Я опоздала на психологический тренинг. – Филомена покорно кивнула головой. – Я сначала забыла, что сегодня среда, а потом дождь пошел. Автобуса все не было, в общем, опоздала почти на час. А потом, после занятия, ехала домой. В метро совсем пусто было. Зашли трое хулиганов, стали приставать. Я честно предупреждала, что ко мне приставать не надо, а то будет очень плохо. Ну вот...

Она замолчала. Ева сидела, опустив голову. Громко тикали настенные часы, тяжело дышал Карпелов, он спрятал руки в карманы брюк и покачивался на стуле.

– Ну, радость моя, начнем с того, что я много раз просил тебя не предупреждать! Нет, ты скажи, я просил тебя никого не предупреждать об опасности, которую ты представляешь?

– Просил, – кивнула Филомена.

– Зачем же ты снова и снова заводишь мужиков? Ведь заводишь! «Дяденька, не трогай меня, а то будет очень плохо!» – передразнил Карпелов, жестикулируя. Потом посмотрел на свои руки и быстро спрятал их в карманы.

– Но я это говорю уже тогда, когда меня трогают! – Рыжая повысила голос, Ева осторожно глянула на нее. Глазки начали недобро поблескивать.

– То есть, – подвел итог Карпелов, – в этот раз никакой провокации с твоей стороны?

– Клянусь!

– Ладно, я верю. Тогда давай поподробней с того момента, как ты опаздывала на автобус. Что случилось в автобусе?

– Ничего не случилось в автобусе, я не знаю. – Филомена опустила голову.

– Дай-ка я угадаю. – Карпелов со стуком поставил стул на четыре ножки. – Ты не поехала в автобусе, ты села в попутку! Не буду повторяться и спрашивать, сколько раз я просил тебя не ездить в попутных машинах.

– Ну села. Он настаивал, я и села! А он говорит, никакого метро, говорит, поедешь со мной кушать. Я не хотела кушать, я опаздывала на занятия.

Карпелов медленно вытащил из стопки чистый лист бумаги и достал из кармана шариковую ручку.

– Сначала, – сказал он ласково, – я запишу с твоих слов, что случилось с этим несчастным, который хотел кушать.

– Он в порядке. Мы остановились, в его машину врезалась сзади другая машина, но не очень сильно. Толстяк выронил сигарету и прожег брюки. Потом в другую машину врезалась сзади еще одна. Он... Он стукнулся лицом и выбил передние зубы.

– Машина? – спросил Карпелов, быстро записывая.

– Джип.

– Номер?

– Ну, это уже слишком!... – начала Филомена, но Карпелов ее перебил:

– Ладно, ладно, милиция была?

– Была милиция, но я ничего не видела, я спешила и ушла в метро.

– То есть в метро ты в конечном итоге попала. – Карпелов отложил ручку.

– В метро попала, а к психологу сильно опоздала. Пришла к концу занятий. Можно было и не ходить.

– А что случилось в метро?

– Да я ехала всего три станции, что могло случиться? – удивленно вскинула глаза Филомена.

– Значит, ты опоздала и?..

– И поехала домой, когда получила свои карточки. Ну, еще мы поговорили с моим психологом. А в метро в вагон зашли хулиганы, стали приставать.

– Значит, ты ехала обратно тоже в метро. Сколько человек было в вагоне, когда ты села?

– Трое? – Филомена, спрашивая, повернулась к Еве и посмотрела на нее. Ева молчала, глядя в невинно распахнутые глаза.

– Ты, эта женщина, – Карпелов кивнул на Еву, – и?..

– И та женщина. – Филомена кивнула, решившись. – А потом вошли трое бандитов. Стали приставать.

– Значит, вагон с тремя женщинами. Пустой такой вагон, в нем три женщины. Электрических приборов нет, балконов, кранов и воды нет, машины рядом не ездят, предметов... Что у этой третьей женщины было с собой в руках?

– Сумочка маленькая.

– Предметов крупных нет. Никто не вез бензопилу или коньки в пакете. Пустой такой вагон, а на тебя напал хулиган. Ты, конечно, сразу стала ему объяснять, что сейчас ему будет очень плохо, сейчас он умрет и так далее! Ну что, по-твоему, могло ему угрожать в пустом вагоне метро?!

– Откуда я знаю? Я сама удивилась, когда он ударил меня в лицо, а ничего не случилось! А потом все так и вышло, как я сказала. – Филомена вздохнула и продолжила громким вдохновенным голосом: – Эта женщина, что здесь... Ева, вы ведь Ева, да? Она стала душить своего хулигана ногами, а потом ударила его по ушам, и он упал! Вторая, которая разрешила разрезать на себе блузку, ударила своего между ног коленкой, потом отняла нож, повалила его на пол и прыгнула ему на грудь металлическими шпильками! Тогда Ева пошла на моего хулигана, словно обезьяна в джунглях, не ногами,

а руками по поручням, а он достал пистолет, а вторая подошла сзади, бах! – и он упал с простреленной грудью! Нет, честное слово, – Филомена кивнула, увидев округлившиеся глаза Карпелова. – Скажите ему! – Она повернулась к Еве. – У этого майора пунтик, что я всегда придумываю, что и как нужно плохого сделать, поэтому все и случается! А я не придумываю, я понятия не имела! Ну я могла еще подумать, что они все трое начнут мочиться в открытую дверь вагона на рельсы, тогда их убило бы током, – добавила она неуверенно.

Ева и Карпелов в оцепенении посмотрели друг на друга. Карпелов очнулся первым:

– А как выглядела эта третья, которая стреляла?

– Бандит сказал, что она фотомодель, так оно, наверное, и есть, – вздохнула Филомена. – Я никого пальцем не тронула, вы же меня знаете, майор! А на этот психологический тренинг я езжу из-за вас, это вы сказали, что мне нужна помощь психолога!

– Ты определила, какое было оружие у третьей женщины? – спросил Карпелов у Евы.

– Нет, – Ева покачала головой, – я не видела оружия, я слышала выстрел, но оружия не видела. Судя по размерам сумочки, это мог быть только дамский «вальтер», сумочка чуть больше портмоне, на длинной металлической цепочке желтого цвета. У меня к тебе разговор.

– Я хочу домой! – Филомене не понравилось, что Карпелов и Ева встали и собрались выйти.

– Пять минут, – пообещала Ева. Она заметила, что Карпелов в присутствии Филомены двигался медленно и делал все очень осторожно. – Слушай, майор, – они встали в коридоре у окна, – тут так получилось, что сегодня меня срочно вызвали на задание. Надо было снять одного террориста. Если коротко, то террорист ушел. Я видела его глаза. Это была женщина. Обратно поехала на метро, в вагоне нас было трое, как ты слышал. Эта третья. Ее глаза... Пистолет в сумочке. Не знаю, как объяснить.

– Имеешь подозрение, что с тобой в вагоне ехала террористка, которую ты упустила?

– Имею.

– Ну, сопоставь рост, цвет волос.

– В прицеле я видела только глаза.

– Понял. – Карпелов задумался. – Чем могу помочь?

– Эта твоя детка, Филомена...

– В прошлый раз она была Лариска, до этого – Фемида, еще Фаталия, Гризельда, всего не упомнишь. Но самое удивительное – ее настоящее имя. Ни за что не угадаешь. Ее зовут Сирия. Мамочка ласково называет Соней.

– Так вот, эта твоя Сирия знает третью женщину из вагона.

– Ну?

– Мне так показалось. Мы с этой фотомodelью пожали друг другу руки, она назвала свое имя. Полина. Я не знала, что у вас в отделении проблема с этой Фаталией, я бы хотела, чтобы ты мне помог, разговорил ее. Но без напряжения. А ты

такой скованный.

– Будешь тут скованным. Я раньше, когда ее допрашивал, магнитофон включал, пока меня током не шибануло. Полгода назад вертел в задумчивости в руках дырокол, а как руку себе прошил – не помню. Теперь ни на секунду не забываю, что надо все делать осторожно, никаких электрических приборов, ничего острого, горячего, и оружие с себя снимаю.

– Ладно, бравый законник, – улыбнулась Ева. – Как же ты это объясняешь?

– У меня есть множество версий на этот счет, но лучше ее отвезти домой, пока она не рассердилась. Машину поведешь ты.

– Это почему?

– Потому что все жертвы, – конечно, которые нам известны, – му-жи-ки! – Последнее слово Карпелов выговорил медленно, громко и по слогам.

В машине Соня заснула, забравшись на заднее сиденье с ногами и уложив голову на колени Карпелова.

– Ох ты, муха-цокотуха, – пробормотал Карпелов, пряча руки за спину.

Ева ехала по городу медленно, у светофоров начинала тормозить заранее, хотя пустые дороги светились длинными черными лентами мокрого асфальта и никто не стоял у переходов.

Возле подъезда с мигающей над входом неисправной лампой у Евы с Карпеловым произошел спор. Карпелов наотрез

отказывался брать на руки уснувшую маленькую женщину и нести ее на второй этаж. Будить ее он тоже отказывался, осторожно отодвинулся, уронив рыжую растрепанную голову на сиденье. Ева растолкала Соню и уговорила ее выйти из машины.

– На лифте! – заявила Соня, нажав кнопку.

– Двигай ножками, – сказала на это Ева, улыбнувшись побледневшему Карпелову.

– Мороженое! – вспомнила у дверей в квартиру Соня и топнула ногой.

Карпелов застонал, а Ева сказала, что у тех, кто ест мороженое в четыре утра, слипается не только это самое место, но и все остальное.

Перед дверью на втором этаже Соня стала искать в карманах ключи, уронив на пол несколько небольших картонок. Карпелов нажал кнопку звонка. Ева подняла две карточки и зацепилась взглядом за почерк, которым мелко и тщательно была исписана плотная бумага. Задумчиво повертела ее в руках.

– Как зовут твоего психолога? – спросила Ева, протягивая карточки Соне.

– Не помню. Она, кажется, латышка.

– Детка моя! – закричала открывшая дверь женщина в халате и с маской на лице. – Персияночка моя родная, что с тобой сделали? – Она судорожно ощупывала зевающую Соню. – Тебя били?!!

– Ну что вы, в самом деле, ну что с ней делается! – успокаивал мамочку Карпелов. Он тянул Еву за руку вниз.

– Что вы сделали с ее лицом? Прекратите преследовать мою дочь! Я подам на вас в суд! – кричала мамочка. Ева потянула дверь за ручку и захлопнула ее.

– Хочу мороженого! Заткнись, идиотка, и вымой свою зеленую рожу! – кричала из-за двери Соня.

Карпелов спускался вниз, наступая на каждую ступеньку двумя ногами.

– Да что ты такой суеверный? – смеялась Ева.

– Станешь тут суеверным. Почитай ее дело, почитай. И про мороженое я забыл! И за поручень держаться нельзя.

– Я никогда не держусь за поручень, – успокоила его Ева.

– Я тоже больше не держусь. Особенно в этом месте. Как там было написано в протоколе? «Держась за перила при спуске вниз в момент выноса мусорного ведра к мусоропроводу, получил травму путем всаживания в ладонь огромной щепки, что впоследствии привело к ампутации правой верхней конечности. Считаю появление щепки проявлением злонамеренности гражданки Талисмановой». Сосед с третьего этажа, – объяснил Карпелов удивленной Еве, стоящей на площадке внизу, – забросал нас заявлениями. Сонечке не нравилось, что он подслушивает под дверью, когда они с матерью ругаются. И все!

В машине Карпелов длинно вздохнул и сказал, что ночь отличная, а жизнь – вообще прекрасна и удивительна.

Ева молча улыбалась.

– Нет, пойми, я ведь даже чисто профессионально всегда готов к неприятностям. Я знаю, что меня в любой момент подрежут или подстрелят, но не думаю об этом! А рядом с Сонечкой!.. Жизнь становится совершенно непредсказуемой и очень желанной. Фактор неизвестности. Ладно, как живешь, Ева Николаевна?

– Карпелов, – задумчиво проронила Ева, уставившись в окно, – ты думаешь, мы живем? Может, тебя подстрелили еще в прошлом году. А я утонула в сундуке в Черном море, такая голая-голая, зато в золоте и бриллиантах.

– Все может быть, – легко согласился Карпелов. – Насчет тебя – не знаю, а я-то, я-то! Видела, как руки на допросе прятал? Боюсь глупо умереть, боюсь. Значит, еще живу. Не хочешь говорить про жизнь, скажи, чем зарабатываешь?

– Звонок, выезжаю, стреляю – отчет.

– Ладно, снайперишь, значит. А что любишь?

– Люблю?.. Хорошее оружие люблю, люблю, когда дети засыпают у меня на руках, женщин люблю, мужчин тоже иногда. Терпкое вино, крепкий чай, быструю езду, розы люблю, но только спелые. Дождь в ладонях, снег в волоса-а-ах! – Ева зевнула и потянулась.

– Тогда, – предложил Карпелов, доставая термос и прекращая ее неожиданные романтические излияния, – остановимся конкретно на быстрой езде и крепком чае?

Четверг

В пять часов двенадцать минут отличного летнего утра Ева Николаевна смотрела, задумавшись, на спящую Далилу. Она захватила рукой ее жесткие прямые волосы цвета спелой пшеницы, свесившиеся с кровати, и провела ими по лицу.

– Почему ты сидишь на полу? Ложись, еще можно поспать, – пробормотала Далила.

– Далила, я по делу. У тебя в группе есть маленькая рыжая женщина, Сонечка Талисманова?

Далила резко села, не открывая глаз, пробормотала «профессиональная тайна» и упала на подушку.

– Исполнительная ты моя, – вздохнула Ева, вставая с пола. – А музыку можно включить? Мне нужно подкачаться и к восьми уже быть на другом конце города. Объясняться по поводу неудачного выстрела. – Ева достала из шкафа тренажер и раскладывала его.

– Убью-у-у, – простонала Далила, пряча голову под подушку.

В голубятне во дворе мальчик открыл металлическую решетку, выпустил голубей, свистел и размахивал футболкой, не давая птицам садиться. Голуби спирально уходили вверх бело-розовой стаей, подсвеченные поднимающимся солнцем.

В семь часов пятнадцать минут Климентию Фаберу позвонил режиссер киностудии «Шик» и сообщил, что никто из приглашенных дублерш не может на шпагате раздавить промежностью апельсин.

– Я не огу говоить, – выдавил Фабер, тяжело поднявшись с огромной кровати и направляясь с телефоном в ванную.

– Прекрасно! – почему-то обрадовался режиссер. – Может быть, сейчас вы меня наконец выслушаете!

Пока Фабер в оцепенении рассматривал в зеркале свое опухшее лицо, посиневшую верхнюю губу и почему-то увеличившийся нос, режиссер, не скрывая истеричных нот в голосе, подробно описал, что бы он хотел сделать со сценаристом фильма «Красивая пуля». Фабер запомнил, что самым важным было – посадить этого сценариста на шпагат и долбить его книгой по голове до тех пор, пока он не раздавит своей промежностью подложенный ему апельсин.

– Ко-оче! – повысил голос Фабер, потому что, даже представив великого писателя Велиса Уина сидящим в шпагате над апельсином, он не развеселился. Приподняв пальцами верхнюю губу, Фабер постарался сковырнуть пластинку. Пластинка сидела прочно.

Открыв краны и положив телефон на полочку у зеркала, Фабер встал под душ. Он сплюнул и внимательно пронаблюдал, как розовая слизь проскользнула по дну ванны. Выключив воду и вытершись, Фабер взял телефон и успел как раз к заключительной части. Режиссер выдохся, устал и изменил

тон.

– Я приеду, – пообещал Фабер, зажмурился, применил усилия и сдернул пластинку. Стало легче. Делая губами упражнения, Фабер подошел к кровати и обнаружил, что его подушка раскрашена розовыми подтеками.

Он одевался, когда телефон зазвонил опять. Восемь де-сять – Фабер застегивал часы на руке.

Писатель Лев Иванович Пискунов – псевдоним Велис Уин – очень обрадовался, застав его, «ведь обычно в полвосьмого вас уже нет дома!» – и так далее, так далее.

Фабер переключился на другой телефон, нажал кнопку динамика, и зычный голос великого писателя разнесся по спальне, обволакивая ее, как заблудившийся туман. Лев Иванович Пискунов, став известным писателем, избавился от суетливости и быстроты речи, жестикуляции и мимики. Теперь он говорил очень медленно, добиваясь значительности длинными паузами, голос иногда понижал – в особо важных, по его разумению, местах, лицом был неподвижен, улыбался скупой и как бы по принуждению, руки занимал предметами – ручкой, журнальчиком, зажигалкой. Он не смог избавиться от привычки грызть ногти, поэтому прятал обкусанные пальцы. Фабер сидел на кровати, завязывал шнурки и прислушивался к пульсации крови под верхней губой – при наклоне головы вниз десна болела больше. Он так ясно представил себе высокого рыхлого Льва Ивановича – его редкие белые волосы, затянутые сзади в хвостик, белые бро-

ви, бесцветные глаза, почти всегда полузакрытые, как будто он дремлет,двигающийся во время разговора нос уточкой, – что даже быстро оглянулся.

– Поэтому я счел необходимым привлечь вас, Климентий Кузьмич, в качестве арбитра по нашему спору. Учитывая значение, которое я придаю конкретной сцене с апельсином, призываю вас к снисходительности и нахожусь в полной уверенности, что именно этот скрытый прием сексуального возбуждения зрителя добавит ритма фильму, кстати, с моей точки зрения, весьма посредственному и оторванному от высокой художественности романа.

– Лев Иванович! – перебил писателя Фабер, обнаружив, что без пластины слова даются легче. – Я не поменяю режиссера, если вы к этому ведете.

– Боже упаси! – понизил голос до шепота Лев Иванович. – Мне достаточно будет того, что вы хотя бы намекнете ему о необходимости прислушиваться к автору сценария.

– Пока что ни одна статистка не смогла раздавить апельсин промежностью.

– Проза жизни, ну какая же проза! – заметил на это писатель. – Полное отсутствие воображения у режиссера, ну мне ли объяснять, как достигается ритмика ирреальности в кино! А если бы он снимал фильм про женщину, превратившуюся в бабочку, ему с таким примитивным подходом пришлось бы перепробовать всех женщин планеты на предмет окукливания и отращивания крыльев!

– Не понял, – забеспокоился Фабер, – это из сценария?

– Это образ, метафора! – взвыл Велис Уин, превысив допустимый барьер повышения голоса. – Пусть снимет отдельно это самое... и раздавленный апельсин, он же специалист, он знает, как это делается!

Климентий Фабер стал подробно выяснять, что именно имеет в виду писатель под словами «это самое», довел Льва Ивановича до визга и наконец первый раз улыбнулся, когда писатель, игнорируя удачно подобранное режиссером слово «промежность», назвал это место неприлично и грязно.

Тем не менее, уходя из квартиры, Фабер прихватил с собой книжку Велиса Уина «Женщина и апельсин», по которой Велисом же был написан сценарий к сериалу «Красивая пуля».

У дантиста Фабер пролистал свой блокнот и сделал пометки для секретаря: почти все встречи придется отменить. За полчаса, пока его рот заполняла пропитанная лекарством вата и трубочка слюноотсоса, он внимательно прочел сцену с апельсином.

Героиня романа Велиса Уина – следователь Управления внутренних дел, приводящая всех героев-мужчин в состояние оцепенения своей привлекательностью, по степени подготовки не уступающая боевой технике, снайпер и почти проститутка, – забавлялась у себя дома на ковре с апельсином. Сначала она подбрасывала его животом, потом катала на спине, потом села на шпагат, опираясь на пол одной ру-

кой, а другой возбудила себя, тиская собственную грудь, до такой степени, что в экстазе раздавила промежностью апельсин, брызнувший во все стороны соком. Вернувшись к началу сцены, Фабер внимательно отследил по тексту, как женщина достает апельсин, катает его по лицу, потом по себе. Она его не чистила!

Фабер закрыл глаза и стал вспоминать, сколько конкретно редакторов работает в его издательстве. Открыв глаза после длительного вздоха, он стал искать фамилию редактора и обнаружил надпись «Книга печатается в авторской редакции».

Стоматолог прописал полоскания, припугнул начавшимся воспалительным процессом и милостиво разрешил снять пластину, если появятся неприятные ощущения при отеке. Фабер согласился на укол.

По дороге на киностудию он остановился у лотка на улице и выбрал самый большой и самый маленький из имеющихся апельсинов. Молоденькая продавщица открыв рот смотрела, как владелец джипа, отваливший ей крупную купюру за два апельсина – он взял ее за руку и не позволил их взвесить, – положил эти апельсины на некотором расстоянии друг от друга на верхней ступеньке входа в обменный пункт. Зайдя сбоку ступенек, мужчина сосредоточенно развернул газету, накрыл апельсины и, тщательно прицелившись, сел сначала на один – медленно и осторожно, а потом – с размаху – на другой.

Фабер поднял газету и провел рукой сзади по брюкам. Он

наклонился и внимательно рассмотрел апельсины. Маленький, с которым обращались ласково, сплюснулся, и только. Большой треснул и чуть подтекал желтоватым соком сквозь трещину в пупырчатой коже.

Фабер уехал, оставив апельсины на ступеньке и оцепеневшую девушку у лотка.

В машине Климентий Фабер, владелец крупного издательства, двух книжных магазинов и киностудии, акционер нефтяного концерна, нескольких газет и телевизионного канала, попытался закурить, но обнаружил, что его рот воспринимает сигарету как совершенно неприятное инородное тело. К собственной киностудии он подъехал разъяренный.

В кабинете начальника регионального управления пахло заваренной мятой. Стакан с желтоватой жидкостью, чуть парившей и распространявшей резкий запах, стоял на столе между папками, сам начальник сидел, массируя грудь с левой стороны. Ева отметила нездоровый цвет его лица и отекавшие глаза.

– Ну, написали? – Голос у начальника глуховатый. Ева вздохнула, ее раздражение прошло. Она приехала в управление полтора часа назад. Только в девять тридцать ее вызвали в кабинет.

– Хотите валидол?

В сумочке должен был валяться тюбик. Далила часто шутила, что по содержимому ее сумочки можно точно опреде-

лить, чем она занимается: сначала пугает людей, а потом тут же успокаивает сердечными средствами.

Крупный пожелтевший указательный палец постучал по столу. Ева подошла и положила листок исписанной бумаги.

Ей не предложили сесть, и двадцать две минуты Ева простояла перед столом начальника, отмечая время на больших напольных часах. Наконец начальник перестал мять грудь и отложил ее объяснительную.

– Где вы официально числитесь, я уже запутался? – Он раскидывал папки. – Не могу найти на вас данные.

– Разведуправление Федеральной службы.

– Тайны! – раздраженно собирал папки пожилой мужчина. – Распоряжения только по телефону, секретные агенты! – После этих слов начальник грязно выругался.

Ева молчала, жалости к уставшему и больному мужчине как не бывало. Его тяжелое дыхание, удушающий запах мяты, и вдруг – тонкий перезвон часов.

– Свободны! – Начальник не поднимал головы, подкалывая ее объяснительную к другим бумажкам.

– Разрешите обратиться. – Ева почти не надеялась на положительный ответ.

Однако начальник кивнул, продолжая возиться со скрепкой.

– Имею некоторые соображения по поводу человека, захватившего заложника. – Ева заметила, как сидящий перед ней мужчина сильно сжал челюсти. Играя желваками, он

кивнул головой, вздохнул и наконец поднял на нее глаза. – Разрешите ознакомиться с делом?

– Вы – Ева Николаевна Курганова, разведены, трое детей. Образование высшее юридическое. Работая в органах внутренних дел, неудачно пользовались оружием во время допросов, за что были отстранены от работы. Конфликтны. Где вы сейчас официально числитесь? Налоговая полиция? Страховое общество?

– Страховое общество, – пробормотала Ева.

– Угадал. В своем секретном отделе находитесь на скамье запасных. Почему?

– Личная просьба, – отрапортовала Ева. – У меня маленькие дети.

– Понятно. Дети, значит, маленькие. В особо опасных делах не участвуете, выезжаете на отстрел, риск почти минимальный. И вот вы на отстреле вlepили пулю точно в лоб заложнице, которую террорист приподнял над подоконником, чтобы вас обмануть.

– Она была мертвая, – успела вставить Ева.

– Заключение экспертизы, – повысил голос начальник, – по всей форме будет только к вечеру. Отчего и когда она стала мертвой. Я сейчас прохожусь по фактам. Какие у вас соображения по фактам?

– Судя по внешним признакам – сердечный приступ. Меня настораживает способ, которым террористка ушла. У вас под носом. Простите, – поправилась Ева, заметив, что на-

начальник опять стиснул зубы, – у нас под носом. Профессионально. Чисто – ни одного отпечатка. Разрешите узнать, что она хотела, захватывая заложника.

– Нет, – сказал начальник.

– Разрешите идти?

– Идите, – ответили ей.

Мужчина напряженно смотрит в закрытую дверь, слушает перестук каблучков по коридору, качает головой, раскрывает папку с делом Кургановой и напряженно читает с конца, шевеля губами. Через десять минут он узнает, что Ева Николаевна Курганова, русская, старший лейтенант, разведенная, за последнюю операцию была представлена к повышению, но это отменили, потому что агент военной разведки, которого она «работала», покончил с собой. Имеет троих детей. Старшего мальчика вывезла из стамбульского публичного дома, годовалые близнецы – дети ее умершей сослуживицы. Семью свою – детей и няню – прячет в деревне. Зарегистрирована в службе по борьбе с терроризмом и в отделе по борьбе с наркотиками как снайпер, удачно выполнившая все задания. В Федеральной службе безопасности работает в разведке – отдел аналитических разработок. В качестве порочащих ее связей упоминалось близкое знакомство с режиссером порно- и кровавых фильмов Покрышкиным, предположительный контакт с наемным убийцей Хрустовым В. С., а бандита Самохвалова Ф. И. по кличке Федя Самосвал она зарезала в Турции в публичном доме Хамида-паши, сам факт пребы-

вания Кургановой в котором достоин расследования. Кроме этого, упоминались ее прошлогодние фотографии в журнале для мужчин, нерасследованное убийство офицера Федеральной службы, соучастие в перевозе через границу наркотиков и так далее, так далее... Дело Евы Николаевны Кургановой начиналось с ее работы в органах внутренних дел, там красавица внесла свою долю принципиальности, отстреливая на допросах осужденных и подследственных. Начальник управления еще раз пролистал все с начала до конца, но интересующих его подробностей убийства Евой Кургановой киллера Слоника так и не нашел. Об этом в деле не было ни слова. Он задумался и пожал плечами. Он уже два года не мог понять, кто же устраивал Слонику побег из тюрьмы, а потом убил его. Тогда, по свежим следам, выходило, что это сделала женщина, офицер следственного отдела по особо тяжким преступлениям. Поспешность, с которой пресекалось всякое распространение информации, связанной с побегом и гибелью киллера, говорила о больших видах органов безопасности на эту женщину: место киллера номер один долго не пустует, а это прежде всего должен быть отличный снайпер. Почему же она до сих пор на скамье запасных? Почему она увешалась детьми и порочащими ее связями?..

Въезд на киностудию обсажен высоким разросшимся кустарником, по обеим сторонам длинной дорожки стоят фанерные павильоны, центральное здание – стекло и металл,

гордость Фабера – светится зеркальными окнами, цоколь обложен грубым серым камнем, крыша асимметричных ярусов из красной черепицы. Фабер пристраивает машину, отметив, что сегодня приехало много народу. В прохладном коридоре, на лестнице и в павильоне, где проходят съемки сериала «Красивая пуля», пахнет апельсинами. Фабер удивленно разглядывает пол, забросанный оранжевой кожурой. В дверях в павильон он сталкивается с исполнительницей главной роли, она в бешенстве, в глазах – слезы.

– Лидочка, вытри сопли, – раздражение у Фабера еще не прошло.

– Хорошо вам говорить, Климентий Кузьмич!

Ладошки у Лидочки маленькие, но сильные, она цепляется за его рукав и судорожно со всхлипом вздыхает.

– Вы только посмотрите на эту... Как ее? Прототипа!

– Кто привел? – спрашивает Фабер освобождаясь.

– Писатель ваш привел. Это же лошадь, Климентий Кузьмич! Лошадь!

Фабер проходит на съемку, щурится от ярких осветительных ламп и сразу выхватывает из знакомой толпы киношников чужеродное тело. На стуле позади оператора сидит, закинув ногу на ногу, крупная худощавая женщина и громко смеется, отставив руку с «беломориной».

– Что у вас тут? – спрашивает Фабер, отыскав грустного режиссера.

– Писатель привел женщину из милиции для ознакомле-

ния с типовым поведением.

– Ну и?..

– Вот. Матерится и хохочет после каждой реплики героини. Я устал.

– А почему у тебя везде кожура валяется? Вы что, теперь апельсины всей съемочной группой давите?

– Все давят, – кивнул режиссер. – Давят, потом чистят и едят или сначала чистят, потом давят, потом едят... Осветителю удалось добиться очень кадрового разбрызгивания. Два ящика апельсинов за два дня.

– Режиссер! Слушай, режиссер! – Женщина из милиции подзывала его, не вставая. – Твоя актриса четыре секунды достает из кобуры оружие! Ее три раза убьют, режиссер! – Она встала и подошла. – Отдай-ка мне ее на пару дней, пусть поработает в отделении, чтобы в образ войти!

– Вы можете сесть на шпагат? – спрашивает женщину Фабер, прикрывая ладонью рот и разглядывая вытянутое, вполне привлекательное лицо, темные глаза и крупный нос над яркими обветренными губами. Около сорока, поджарая. На голову выше его.

Женщина улыбается, достает следующую «беломорину». Фабер потянулся за зажигалкой, но женщина быстрым движением выдернула откуда-то из-под мышки пистолет и приложила к его животу.

– Пук! – сказала она, прикусив зубами папиросу. – Шпагат, говоришь? Я могу пяткой припечатать в лоб вашего глав-

ного по музыке так, что он даже движения моей ноги не заметит. – Она притянула руку Фабера к себе и сжала. Фабер щелкнул зажигалкой, удивившись сильному и горячему прикосновению ее ладони.

Режиссер закатил глаза.

– Почему именно его? – Фабер отыскал глазами высоко-го нескладного звукорежиссера. В наушниках, с трагической грацией в движениях длинных рук, он слушал, закрыв глаза, музыку за пультом.

– Да он тут у вас один выше меня. Видный мужик. Ты же про шпегат спрашивал, отвечаю! А вообще, ребята, очень даже клево! Заводит. Что интересно, в Москве года два назад работала в органах одна умная и красивая молодка. Я тут полистала ваш сценарий, почти про нее! Кто у вас будет сидеть в конце творческой жизни? – спросила вдруг она, поку-сывая губу, чтобы сдержать неумный смех.

– В каком смысле? – напрягся режиссер.

– Ну, я спрашиваю, кто на эту лажу деньги дает? Кто главный по бабкам?

– Я директор, – сознался после паузы Фабер.

– Ну тогда слушай. Твой писатель это писал, считай, с на-туры. Про половые сношения с апельсином не знаю, но по ходу других действий точно – это она. Факты некоторые сов-падают. Просекаешь, как говорит мой сын?

– Нет, не просекаю, – сознался Фабер.

– Да спроси у своего писаки, с кого он писал, найди ее, не

трать время зря, ни одна актриса не сыграет тебе профессионалку, а тем более такую! – Женщина потрясла страницами сценария. – Мужиков завораживала, как удав! Она тебе и шпагат изобразит, и апельсинчиков нарожает! – Женщина закинула голову и засмеялась громко, от души. Фабер с режиссером в некотором оцепенении уставились на ее зубы.

Отсмеявшись, женщина из милиции поинтересовалась, где находится буфет. Фабер пошел с ней.

В буфете за деревянным круглым столиком режиссер «крутой эротики» Стас Покрышкин набрасывал сценарий. Фабер обрадовался Стасу, позвал его за стойку и заказал холодный чай с лимоном.

– Я пью и пью, – пожаловался Стас. – Не могу остановиться уже второй день.

Глаза у Покрышкина были воспаленные, на щеках – пятнами – румянец.

– Что у тебя?

– К Наталье финны приехали. Ревную.

– Слушай, к ней клиенты приезжают почти каждый месяц.

– Я каждый месяц ревную. Слушай, Клим, я фильм про нее снять мечтаю. Баню, первый снег на зеленой траве, а возле бани...

– Лавка, – перебил его Фабер, – на лавке бело-розовая женщина с косой, и ее бьют плеткой. Все это знают. Посмотри назад. Видишь женщину?

– Ну? – Стас откровенно рассматривал милиционершу,

она подмигнула ему, отпивая из высокого бокала.

– Она из милиции. Очень необычна. Как ты думаешь, если снять издалека ее и моего Данилыча. Она бьет его ногой в лоб. Сними, Стас, я его уговорю.

Покрышкин еще раз развернулся и внимательно рассмотрел женщину, провел ладонью по лицу, словно вытирая его.

– Кому снять?

– В архив сними, ну нравится мне такая сцена, понимаешь!

– Ты знаешь, Клим, по-моему, твой звук метра два ростом, ты уверен?..

– Она сама предложила дать ему пяткой в лоб.

– Что творится! – пробормотал Покрышкин. – Сплошной сюр. А кто тебе нос подбил?

– Я вlepился мордой в руль.

Они сели за столик, помолчали. Фабер выпил чай.

– Слушай, – поинтересовался Покрышкин, – а что у тебя в мыльном павильоне делают с апельсинами? Я иду утром, а на лестнице два осветителя задницами на ступеньках!..

– Ты не поверишь, – попробовал усмехнуться Фабер и скривился, потрогав верхнюю губу, – я тоже сегодня купил два апельсина и пытался их раздавить на улице.

– На спор?

– Да нет. По сценарию у Велиса героиня давит промежностью апельсин. А очистить забыла. И Велис – ни в какую. Говорит, что очищенный апельсин – это убожество. А неочи-

щенный – сексуальный символ. Когда же этот писатель изволит явиться?

– Что-то мне это напоминает, – кивнул головой Стас.

Женщина, офицер милиции, тащит к ним сопротивляющуюся главную героиню. Лидочка отталкивает ее и уже слабеет ногами.

– Вот, смотрите, – громко говорит женщина, развернув Лидочку поудобней возле мужчин, – скажи «блядь»!

Лидочка жалобно смотрит на Покрышкина, на Фабера и еле слышно выговаривает необходимое слово, краснея лицом и шеей.

– Видели! – злорадно замечает ее мучительница. – Когда научится это говорить весело и равнодушно, как «доброе утро», тогда, считайте, вошла в образ! Бицепсы у нее ничего, ноги длинные, но внутренний настрой отсутствует напрочь!

У Фабера запищал пейджер. Пока Покрышкин рвет свои бумажки на мелкие кусочки, женщина из милиции уходит с Лидочкой, перечисляя необходимый, по ее мнению, для общего профессионального милицейского уровня запас ненормативной лексики, а к столику приближается великий писатель Велис Уин и заявляет, что работать в подобной обстановке невыносимо.

– Клим, – задумчиво разглядывает Покрышкин писателя снизу вверх, – а наш Лев Пискунов тоже ничего, высокий. Эта страшилка из милиции не хочет его сделать пяткой в лоб?

– Вы с утра пьяны, и это отвратительно, – заявляет Велис Уин, присаживаясь.

– Блондины бывают иногда очень темпераментны, – не сдается Покрышкин. – Мне такая сцена больше нравится. Ну что хорошего в том, что эта тетка стукнет нашего стесняющегося и комплексующего звукорежиссера! – Покрышкин судорожно закрыл руками голову, изображая испуг. – А вот самовлюбленного альбиноса!..

– Климентий Кузьмич, – тихо произносит писатель, прикрыв глаза, – я долго терпел, но больше не хочу. Все знают, кроме вас. Ваш режиссер короткометражных фильмов...

– Как тактично он выражается, Клим, ты слышишь! – возбудился Покрышкин. – Коротко и метражных!

– ...присутствующий здесь Стас Покрышкин, – еще тише продолжил Велис Уин, – пользуется имеющимися у него видеоматериалами в целях собственного обогащения. А если конкретно, то он продает так называемое «мясо» иностранным любителям подобного рода кино. Его оператор, шизофреник, которого никто на киностудии не видит, ездит снимает по моргам, родильным домам и операционным, а режиссер Нехлебов вторую неделю не может найти себе хорошего оператора для сериала.

– Я знаю, почему ты рот открыл! – радостно заявляет на это Покрышкин. Фабер молчит. – Потому что ты узнал, что Кумус пишет книгу. Как же, кто-то еще смеет писать книжки, и не просто про Одноглазых, Хромых или Припадочных,

а настоящую книгу! А в морги он ездит, потому что Ангел Кумус единственный в Москве уничтожитель вампиров! – Покрышкин стукнул по столу ладонью и икнул.

– Мне совершенно неинтересны литературные изыски шизофреников, – казалось, что Велис Уин задремал и еле ворочал языком, – и я еще не закончил. Кроме всего прочего, вы делаете музыкальные клипы с элементами ню и также продаете их на сторону. Мне это тоже совершенно неинтересно, но вчера, например, съемочная группа не смогла работать, потому что в павильоне с декорациями отделения милиции вы полчаса снимали голых девочек. Режиссер Нехлебов опять же почему-то хочет, чтобы именно ваш оператор снимал эротические сцены сериала.

– Мне пора, – поднялся Фабер.

– Почему твой великий писатель уже вторую неделю вертится на студии и щупает актрис? По совместительству? – Покрышкин не мог остановиться.

– Я сценарист! – не выдержал и повысил голос Велис Уин. – По моему сценарию ставят фильм!

– А у Нехлебова уже невроз! – радостно сообщает Покрышкин.

– Лев Иванович, – Фабер оперся руками о столик, – я посмотрел. В книжке эта сцена – полная чушь. Удивляет. Но в кино все по-другому. Пусть давит апельсин. Только не надо приводить на площадку посторонних. Не надо приводить женщин из милиции, или крутых бандитов, или зеков. Вы

должны понять, что в книжке должно быть все по правде, а в кино наоборот. Не надо, чтобы мои актеры видели этих, как вы называете, «прототипов». Это выбивает их из колеи и доставляет дополнительные неприятности. Стас, – Фабер постучал по столу, и Покрышкин поднял голову, – я буду у тебя сегодня вечером. Надо поговорить.

Фабер нашел режиссера и постоял еще несколько минут вместе с ним сзади камеры, наблюдая, как Лидочка в коротком платье и в лодочках на высоких каблуках раскидывает вокруг себя упитанных крепких мужиков, симметрично заполняя их неподвижными телами пространство «комнаты в гостинице».

– Мне нужен Ангел Кумус, – сказал Нехлебов, не поворачивая головы к Фаберу и иногда давая указания оператору, – а Пискунов рассказывает про него какие-то невероятные вещи, то ли он в моргах теперь снимает, то ли вообще расчленяет кого-то.

– Писатель, – вздохнул Фабер, – что с него возьмешь! Ты его поменьше слушай. Испорченное воображение – основной источник дохода.

К полудню небо затянулось тучами. Дождь накрапывал, отталкиваясь от свежих молодых листьев с еле слышным звоном, листья сопротивлялись, пружиня и подрагивая от каждой упругой капли. Ева слушала это сопротивление, стоя под огромной липой и радуясь вместе с деревом недолгой

свежести раннего московского лета. Прислонившись спиной к стволу, Ева подняла голову вверх и задержала дыхание, став на цыпочки. Закружилась голова, и тело сразу подчинилось иллюзии полета, подаренной живым зеленым сплетением сверху.

– Друиды поклонялись деревьям до маниакальности жертвоприношения.

Ева вздрогнула и глубоко вздохнула. Перед ней стоял Аркаша, начальник аналитического отдела.

– Ты к нам идешь или просто гуляешь?

– Я по делу, – оторвалась от дерева Ева.

– Я в курсе. Ты неудачно выстрелила. – Аркаша пропустил ее вперед в стеклянных дверях.

– Аркаша, ты только послушай, что ты говоришь! Что такое вообще – удачный выстрел, если стреляешь в труп? Удачно попасть или удачно промахнуться? Я попала! – Ева плелась по ступенькам вверх. Аналитический отдел находился на третьем этаже в здании коммерческого банка, назывался страховым обществом и, кроме нескольких кабинетов, имел замаскированный вход в благоустроенную квартиру с пуленепробиваемыми окнами и постоянно обновляемым запасом необходимой провизии, достаточным для месячной отсидки. Жена Аркаши Зоя сидела за компьютером в кабинете с табличкой «Начальник отдела», в кабинете пахло духами и крепким кофе.

– Ты едешь из регионального управления. Тебя пропесо-

чили, ты злая, обиженная и удивленная. Тебе нужна только капелька, одна капелька! – Зоя свернула ладошку, словно боялась расплескать пойманный дождь. – Понимания! Сочувствия! Утешения! Можешь убираться, у меня ничего такого нет.

– Как-нибудь обойдусь без сочувствия. Какие у тебя духи? – Ева принялась и напряглась.

– Духи? – Зоя быстро стучала по клавишам, не отводя взгляда от экрана.

Ева вздохнула, взяла ее сумочку и вытряхнула на стол.

– Ты что, сдурела?! – Зоя не поверила своим глазам. – Рыться в моей сумке!

Разгребая одной рукой сваленные в кучу пудреницу, помаду, две связки ключей, записную книжку, паспорт и удостоверение, три съездившихся разноцветных резиновых шарика, две плетенки-удавки с захватами для ладоней, набор металлических звездочек-убийц, пачки жевательной резинки, освежающие салфетки в маленьких пакетиках, Ева другой удерживала на расстоянии разъяренную маленькую обезьянку – Зою.

– Где это у тебя? Где у тебя духи?

Зоя сбросила туфли, присела и резко прыгнула вверх, выпрямив в прыжке ногу. Ева отбила ладонью, не глядя, ее ступню, продолжая другой рукой ощупывать сумку.

– Чайник закипел, – сообщил Аркаша, аккуратно расправляя на спинке стула снятый пиджак и с удовольствием оття-

гивая от шеи узел галстука. — Девочки, я не спал всю ночь, и знаете, где именно я не спал? В клубе развлечений для состоятельных мужчин. Вы можете сейчас изображать что угодно, я и глазом не моргну, такого насмотрелся! — Он расстегивал белую рубашку и снимал с груди липучки, закрепляющие микрофон.

— Да она бешеная! — Зоя тяжело дышала, сидя на полу. — Я ей про сочувствие, понимание, а она просто бешеная!

Ева наклонилась к ней, схватила и притянула к лицу сопротивляющуюся ладонь. Понюхала, раздувая ноздри.

— Отстань от меня! — отбивалась Зоя.

— Говори, какие у тебя духи, иначе я за себя не отвечаю. — На Зою смотрели прищуренные глаза цвета слегка разбавленных чернил.

— Ну, бравый оперативник, они здесь, на мне! Ищи!

— Я ведь сначала разорву платье! — честно предупредила Ева.

Аркаша заметил, что ему нравится платье жены, и предложил быстро отдать неудачливому снайперу таблетку.

— Какую еще таблетку?

Зоя подняла вверх руку, показывая Еве часы. На тонком золотом браслете рядом с часами прикреплен крошечный медальон. Ничего не понимая, Ева потянулась к медальону, Зоя сняла часы.

Крышка открывалась просто, в выемке, как раз под размер, лежала белая таблетка. Букву F, выдавленную на ней,

можно было разглядеть, только приблизив таблетку к глазам.

– Что это такое? – Ева удивленно вдыхала резкий запах.

– Духи. Спорим, ты бы в жизни не нашла! – Зоя встала и обулась.

– Она бы нашла, – мечтательно сказал Аркаша.

– Как ими пользоваться? – Таблетка пахла так сильно, что Ева убрала браслет с часами и медальоном подальше от лица.

– Сначала скажи, что тебе конкретно было нужно. Таких духов больше ни у кого нет.

– Есть. – Ева села на стул, глядя перед собой.

– Нет!

– Есть!

– Девочки, давайте по делу, а то вы меня уже утомили! – повысил голос Аркадий.

– Пусть она сначала скажет, где именно унюхала своим чувствительным носом эти духи! – потребовала Зоя.

– На оружии. – После этих слов Ева замолчала, стойко выдерживая паузу.

– Тебе дали вчера оружие, которое пахло этими духами? – шепотом спросила Зоя. Аркаша развернул стул в их сторону и сел, уставившись на задумавшуюся Еву.

– Нет. Так пахло оружие террористки. Я нашла ее автомат на крыше.

Наступила тишина. Аркаша и Зоя обменялись быстрыми взглядами. Ева сидела, все так же глядя перед собой.

– Эта таблетка... – начала Зоя.

– Подожди. – Аркаша занервничал, встал и прошелся пару раз из угла в угол. – Ты уверена? – Он наклонился к Еве.

– Это было сегодня ночью, я запомнила запах. Я не трогала автомат, пока его не проверили на скрытую взрывчатку. Потом один боевик сказал, что автомат пахнет духами. Я пошла и понюхала, сама не знаю зачем. Этот самый, душный и сладкий, запах. В квартире тоже пахло, но слабее.

– Растертая лаванда и мускус дикой кошки. – Зоя кивнула, улыбаясь. – Не спутаешь ни с чем.

– Скажем? – спросил Аркаша, посмотрев на жену.

– Ни за что! – возбудилась Зоя. – Она у нас теперь кто? Коллега? Единомышленица? Как бы не так! Она у нас – резерв, так, перебивается случайными выстрелами за деньги. У нее на главном месте семья. Пусть сама разбирается.

– Так это ведь как посмотреть, – задумался Аркаша. – Дело только в доверии.

– Доверие здесь ни при чем. Дело в принадлежности. Если человек работает с нами, если он заодно, вся информация используется им по назначению. Если он отдыхает, развлекаясь иногда для собственного интереса, от скуки, это совсем другое дело!

Ева раскручивалась в компьютерном кресле, закинув руки за голову и уставясь в потолок.

– Ладно, извращенцы, дайте бумагу, я напишу заявление. – Она резко остановилась, шаркнув по полу носками ту-

фель.

Зоя и Аркадий бросились к столу одновременно. Зоя шлепнула перед Евой на стол пачку чистых листов, Аркадий склонился к ней с другой стороны, щелкнув дорогой ручкой.

Ева задумчиво осмотрела сначала розовощекое, в легких желтых кудряшках лицо Аркаши, потом возбужденное, с крошечными капельками пота на темнеющих над верхней губой усиками, лицо Зои, еще раз обозвала их извращенцами и стала писать.

«Начальнику Федеральной службы безопасности от Кургановой Е.Н., старшего лейтенанта отдела аналитических разработок, код 513, временно отстраненной от участия в оперативных мероприятиях по семейным обстоятельствам (приказ №... основание – личное заявление).

Участвуя в проведении операции по захвату и уничтожению террориста, (номер приказа – ...дата – ...время – ...), я обнаружила некоторые факты, требующие детального рассмотрения. Прошу на время проведения операции по установлению личности террориста зачислить меня в отдел по борьбе с организованной преступностью регионального управления с доступом к любой информации по этому делу. Прилагаю подробный рапорт и отчет».

– Ерунда получается, – вздохнула Ева, перечитав написанное, – я уже почти дословно знаю ответ. Меня вызвали как снайпера, а я...

– Ты проявила чудеса сообразительности, объяснив, как

именно террористка ушла из квартиры, ты нашла оружие на крыше, ты обнюхала его! – Зоя трясла подробным отчетом Евы. – Не очень понятно, почему ты не задержала подозрительную женщину в метро, но, как говорится, схватил бы зайца, да уши кусаются!

– Ну ладно, а теперь скажете, вымогатели? – Ева показала глазами на часы.

– Теперь – скажем! – защелкнула медальон Зоя. – Держись за стул. Эту таблетку мне подарил лично шеф одного отдела ЦРУ. Вот в этом золотом медальончике, с наилучшими пожеланиями и подробной инструкцией.

– Да ну вас, честное слово, – встала Ева. – Я могу придумать что-нибудь поинтересней.

– Ладно, Зоя, скажи тете правду! – повысил голос Аркаша.

– Можно, да? Ладно, говорю правду. Он не просто подарил, он проиграл. У нас было пари. Три месяца назад в Женеве судили плохого русского мальчика. Я сказала Фредди Смейеру, он с нами общается по линии Интерпола, что нашего Карася отпустят, а он не верил. Он наивный, как все американцы, выросшие в эру сплошного правосудия и порядка. Он говорил, если дело дойдет до суда, – Карасю конец. А я как раз считала, что Карася оправдают, как только дело дойдет до суда. Он проиграл.

– Вы что, серьезно? – Ева все еще не верила и улыбалась.

– Ты отстала от жизни. Ты три месяца назад что делала? – поинтересовался Аркаша.

– Я? У меня дети поползли, я их с утра до вечера ловила как могла. Еще я доила козу...

– А нас случайно занесло в Нью-Йорк, – мечтательно вспоминал Аркаша, – мы к Фредди заскочили, он гордый был, как беременный осел. Он, оказывается, главных свидетелей по делу Карася прятал и охранял почти два года. И вдруг такая удача: Карася арестовали в Швейцарии, в аэропорту взяли. Ну, Зойка решила поспорить, уж не знаю, какая муха ее укусила, дело было ночью, в баре, мы совсем плохо соображали. Слово за слово, дело дошло до пари.

– Ты понимаешь, какая беда с этим швейцарским правосудием – в русской жизни они полные профаны. Один из обвинителей на полном серьезе интересовался на процессе, что это такое за понятие – «вор в законе», просил объяснить, – Зоя развела руками перед лицом Евы. – Я, когда про это слышала, поняла, что толку не будет. А Карасик невинный такой, глазки удивленные! Первый раз, говорит, слышу про солнцевскую группировку, это где вообще? Неужели я там – главарь?! Короче, Фредди проиграл и преподнес мне на долгую память эти духи. Это новое слово в парфюмерии, а правильное сказать – в ядах. Таблетка пахнет сквозь крошечное отверстие в медальоне. Если взять ее в руки – неделю запах не отмоешь ничем. А вообще-то это яд. Растворяется в жидкости без остатка, в теле трудноопределим – спазм сердечной мышцы. Фредди поклялся, что эта таблетка – жертва неудачного эксперимента, все остальные уничтожены как не

прошедшие испытания.

– Ребята, подождите, если я займусь этим делом и для начала объясню начальству все про запах и что вы мне сейчас рассказали!..

– Только попробуй! – Зоя угрожающе сдвинула густые брови и подбоченилась. – Не изображай из себя идиотку. Никто не станет связываться с Интерполом только потому, что снайпер на задании где-то чего-то унюхал! Найди другую точку отсчета. Бумаги оставь. Мы сами пробьем твое назначение.

– Спасибо за заботу. – Ева встала и уходила. – Отвечаю на непременные вопросы при прощании. Дети здоровы. Близнецы уже ходят понемногу. Мой старший покуривает втихарию травку, а самый маленький толстеет и орет по ночам.

– Не понял, – Аркаша приготовил пальцы для счета, – у тебя же было трое.

– У нас с апреля месяца их четверо. Муся, кормилица, прошлым летом сходила прогулялась на переезд и забеременела от паровоза. Так что прошу в гости, если надумаете. – Ева подмигнула, закрывая за собой дверь.

– Ненормальная женщина, – вынесла Зоя приговор после молчания.

– За что мы ее и любим, – подытожил Аркаша.

– Кто это любит? Кто любит? Мы просто удивляемся, как ей все удастся!

– Талант, – предположил Аркаша.

– Стечение обстоятельств! – не сдавалась Зоя.

– У нее нет проигрышных дел, взгляни же на вещи объективно.

– За ней гора трупов, а она нежная и светлая, как утренняя роза!

– Зойка, это штамп, давай по существу.

– А если по существу, то она ненадежна. Непредсказуема. Мы целый год просили ее заняться серьезными делами, знаешь, почему она их не брала?

– Семья, дети.

– Черта с два! Эти дела ее не заводили! Понимаешь, неинтересны ей были наши проблемы. А сегодня, пожалуйста, прибежала!

– Кстати, как ты думаешь, почему она прибежала?

– Ну как же, унюхала необыкновенные духи и прибежала!

– Нет, духи она унюхала здесь. – Аркаша улыбался.

– Ох, черт! Действительно. У нее что-то было, она хотела об этом поговорить, а потом принялась. Зараза.

– Ладно. А что ты думаешь про эти духи?

– Я думаю, что, если в лаборатории ЦРУ работала хоть одна женщина, она бы с ними не рассталась.

– Я так понимаю, что версию «Фредди – гад и обманщик» ты совсем не берешь в расчет? – Аркадий перечитывал отчет Евы.

– Ну, если я пойму, как именно он хотел посмеяться... Аркадий, я ненавижу романтику в нашем деле.

– А это ты к чему?

– Ева Курганова как-то так исхитряется жить в нашей профессии, что рисует цветы кровью.

– Зойка моя, назови-ка одним словом нашу профессию. Молчишь?

В машине Климентий Фабер предложил великому писателю закурить, чтобы вдохнуть запах табака, но Велис Уин сообщил, что с зимы ведет правильный образ жизни и даже иногда бегает в парке по утрам. Вот, например, к киностудии сегодня он пришел пешком. Сорок девять минут.

– Вас домой? – спросил Фабер, заводя мотор.

Оказалось, что в час дня у писателя лекция в Литературном институте.

– Приключенческий жанр у нас в стране в данный момент терпит бедствие. Без криминальной основы он категорически неинтересен. Никто не читает про клады, путешествия или спорное наследство, если рядом нет преступления. А с преступлением этот жанр уже называется криминальным. Я читаю восемь лекций из курса «Романтика в криминальном жанре». – Велис Уин обнаружил рядом с собой на заднем сиденье журнал с голой девочкой на обложке и тут же занял руки, скручивая его в трубочку. – Если подойти к этому вопросу уж совсем конкретно, то клады, путешествия и наследство – неперменные атрибуты еще и любовных романов, поэтому...

– Лев Иванович, я все хочу спросить. Откуда у вас эта героиня?

– Простите?

– Эта ваша непобедимая сексуальная героиня, откуда она взялась?

– Ну знаете, Климентий Кузьмич, вы меня удивляете. Подобные вопросы я могу простить начинающему журналисту.

– Да ответьте же!

– Рациональное начало этого образа отчасти искусственно навязано информационными источниками, отчасти это результат реакции моего собственного воображения на раздражающие факторы.

– Поподробнее об источниках информации, пожалуйста, – перебил писателя Фабер.

– Мне не очень понятен ваш интерес к моей творческой кухне, но если вы настаиваете, то пожалуйста. В последнее время, как вы могли заметить, информационный поток криминального содержания перекрывает все другие в газетном и телевизионном...

– Я спрашиваю не о том, – опять перебил Фабер, – перестаньте вилять, Лев Иванович, я вас слишком хорошо знаю. Я не спрашиваю, о чем вы пишете, я спрашиваю, о ком!

– Ну, это навязанный временем образ, созданный в противовес жестоким либо аморфным литературным героям других книг.

– То есть, – не выдержал Фабер, – вы хотите сказать, что

это образ вымышленный?

– Бог мой! – с облегчением вздохнул Велис Уин. – Конечно, вымышленный! Этот образ мог создать только мужчина с определенным опытом и фантазией. Но вопрос ваш весьма интересен, весьма. Уже неоднократно в беседе с читателями я слышал, что они знают такую женщину, что вот она, рядом! Ее где-то видели, в каком-то отделении милиции, она носит заводные юбки, неправильно проводит допросы. Что вы, собственно, хотите у меня спросить? Знаю ли я такую женщину? Нет, не знаю. Существует ли она на самом деле? Конечно, существует! Она появилась сразу же, как только вышла моя книга!

Свернув журнал в узкую трубочку и размахивая им перед собой, великий писатель Лев Иванович Пискунов вдохновенно объяснял издателю Фаберу мистику происхождения и существования определенных книжных героев, опасность некоторых книжных событий, внедряющихся в жизнь пишущего человека и управляющих ею, уверял, что будущее литературы – за подобной мистикой, что события в книгах – это перепутанные пространство и время жизни, то, что уже было когда-то или скоро произойдет, что сам бог – на самом деле просто писатель, и Фабер, заглушивший мотор, повернулся назад и залюбовался лицом в общем-то неприятного ему человека, его возбужденным взглядом и мокрым ртом и на какое-то время поддался вдохновению Велиса Уина, хотя сам он считал, что важно не **что** писать, а **как**.

Старое здание на улице Кузнецкий Мост. На двери большая синяя табличка с надписью «Центр психологической помощи семье. Сексопатологи. Психиатры» – по счету пятая. Перед ней короткая – «Психотерапевт. Консультации и помощь», а после нее – «Психологический тренинг для женщин». Ева Николаевна перечитала все надписи и задумалась. Она несколько раз подвозила Далилу к работе, но никогда не была в ее кабинете. Потянула на себя массивную дверь и с опаской попробовала обойти необъятную женщину-вахтера.

– Куда премся? – спросили ее ласково.

– Мне нужна Далила Марковна Мисявичус, психолог, – доложила Ева.

– Мисявичус принимает вечером, с шести часов.

– Мне нужна срочная помощь.

– А, это! Пройди сюда. – Еве предложили войти в застекленное помещение вахтера с лежанкой, застеленной шерстяным одеялом, небольшим столиком с телевизором и тумбочкой, заставленной чашками, банками с кофе, пачками с печеньем. Еву толчком в плечо усадили на лежанку.

– Бьет, сволочь? – поинтересовалась вахтерша, включая чайник.

– Что?

– Я говорю – бьет? Муж бьет?

– А, спасибо, поняла. Нет, у меня другая проблема.

– Какая еще другая? – подозрительно спросила женщина,

раздумав угощать Еву печеньем.

– Очень много детей, я не справляюсь, – пробормотала Ева тихо.

– Понятно. Насилует, значит.

Ева взяла большую и не очень чистую чашку в руки и вдохнула запах крепкого чая. Вахтерша набрала номер телефона и сообщила, что пришла еще одна жертва.

– Ты тут пей пока, – объявила она Еве, – а я на улицу гляну. Мужики, они, знаешь, хитрые! Только что вытащила одного за шкурку, хотел прорваться. Читай, говорю, табличку, гад! Читал? Еще читай! Чуть не заплакал, говорит, работаю я здесь. Ну что ж, попутала, а бывают знаешь какие злые мужья! Ты сиди, к тебе спустятся и отведут в надежное место. А на занятия у нас приходят позже, к вечеру.

– А с мужьями сюда нельзя? – поинтересовалась Ева.

– Почему нельзя, – прищурилась вахтерша и задумчиво осмотрела сидящую перед ней женщину. – Если прорвется мимо меня, пусть идет. Почему нельзя!

Открыв глаза, Сонечка Талисманова обнаружила за открытым окном накрапывающий дождь, потянулась и поняла, почему так сладко спалось до полудня. Она встала, высунулась в окно. Почти полчаса Соня медленно и тщательно разглядывала мир спокойного двора, детский сад, целующуюся на скамейке в беседке парочку, старушек у подъезда, соседа с третьего этажа с закрепленными чуть выше локтя за-

хватаями протеза – здоровой рукой он судорожно цеплялся за поводок, на котором его волокла огромная лохматая собака. Голуби в лужах на асфальте и запах новорожденных тополевых листьев.

– Ма! – крикнула Соня и обнаружила, что она в квартире одна. Сбросив на пол длинную рубашку тонкого полотна, Соня с кошачьей грацией прошла возле зеркала в прихожей сначала совсем голой, потом в огромной шляпе с перьями, потом, скрючившись и шаркая, в шляпе и старых горных ботинках, потом босиком, танцуя маленького лебедя, потом сбросила шляпу и просто некоторое время любовалась нежным свечением в сумраке коридора хрупкого, почти неразвитого тела.

Сонечка натягивала трусики, лежа на ковре и болтая ногами, когда зазвонил телефон. Еще минут пятнадцать она разговаривала, надевая шорты и перебирая футболки в шкафу. Натянутый провод телефона опрокинул большую вазу с засушенными зонтичными, Соня наступила на сухие растения, они зловеще хрустнули. Уходя, Соня провозилась в коридоре еще минут пять, потому что не могла найти ключи. Она захлопнула дверь в два сорок шесть пополудни, сбежала по ступенькам вниз, в дверях подъезда еле успела прижаться к стене – огромный сенбернар проволоком мимо нее соседа, сосед скороговоркой пробормотал угрозу в ее адрес. Два сорок восемь – Соня заворачивает за угол дома, направляясь к автобусной остановке. Соня старается не смотреть в окно на

первом этаже, но этот тип уже там, она чувствует его и не глядя.

– Девочка, девочка, смотри, что покажу!

Соня ничего не может с собой поделаться, она поднимает глаза, и ноги сами останавливаются. Перед ней в открытом окне, как в замедленном кино, вырастает отекающее лицо на совершенно лысой голове, голова тянет за собой массивную шею и чудовищные, в бицепсах, плечи – на зависть любому культуристу, потом – полуокружая груди, инвалид подтягивается на руках, уперевшись в поручни невидимой коляски, подмигивает и гримасничает, обещая необычайное зрелище там, внизу живота. Соня начинает медленно приседать, это старая игра, инвалид начинает сердиться, его гримасы выдадут затаенную злобу, он вытягивается сколько может, но Соня приседает, оставляя видимой для себя только голову, плечи и грудь, ей уже становится смешно – два пятьдесят шесть, когда инвалид вдруг тяжело падает, и странный металлический лязг коляски настораживает до испуга.

– Эй! – неуверенно говорит Соня, оглядывается и становится на цыпочки. Опасаясь ловушки, она отходит подальше и видит в открытом окне инвалида с упавшей на грудь головой и маленькую темную дырочку на этой груди. Слева.

– Как это? – спрашивает Соня, ноги ее подкашиваются, она падает на коленки, закрыв лицо руками. Мертвое тело дергается от второго попадания, коляска тоже дергается и отъезжает назад. Когда Соня поднимает голову, она видит

на раздутых мышцах груди уже две дырочки. В три ноль две Соня Талисманова начинает наконец вести себя соответственно обстановке. Она визжит, ползет на коленках по траве, плачет и кричит одновременно.

В три сорок, зареванная и перепуганная, она влетает в отделение УВД Западного округа. Дежурный, увидев Соню, вскакивает.

– Майора Карпелова, пожалуйста, позовите Карпелова, – просит Соня. Из открытых дверей ближайшей комнаты выходит сотрудник с чашкой чаю в руках, дежурный пятится, не сводя глаз с маленькой женщины. – Позови Карпелова, в меня стреляли! – кричит Соня и, размахнувшись, бьет по столу своей сумочкой.

На брюки сотрудника, открывшего рот, чтобы узнать, что это такое происходит, выплескивается горячий чай, дежурный, услышав его крики, нажимает кнопку тревоги.

В четыре пятьдесят пять Карпелов медленно отдирает пластырь, пластырь упорно тянет за собой нежную кожу и розовые губки Сонечки Талисмановой.

– Вот так, медленно, остороженько и совсем не больно. Ты извини ребят, они тебя боятся, честное слово.

– Я жалобу-бу напишу, – заикается Соня, потирая запястья, с которых Карпелов только что снял наручники. Ее трясет, тонкие руки покрылись пупырышками. Короткий, в обтяжку, топик открывает живот с волнующимся от каждого

судорожного вздоха пупком.

– Вот молодец, девочка, напиши жалобу. Цивилизованные методы, они, знаешь, мне больше нравятся.

– А зачем глаза за-за-а-вязывали?

– Ну, сама понимаешь, некоторые живут тут рядом. Встретишь в магазине где-нибудь. А рыженький такой, видела? Волновался! Все время спрашивал: «Ей не больно?» Он у нас недавно, только что после армии. Ты ему понравилась. Мне сказали, не хотел тебя в камере запереть. Это он так ласково связал ноги полотенцем.

– Вы нашли убийцу?

– Да нет еще, я с тобой вожусь, не отхожу ни на шаг.

– Меня хотели убить!

– Пока что ты жива. – Карпелов помогает Соне встать и ведет в свой кабинет. – Садись, детка, процедуру ты знаешь. Начнем. Как тебя сегодня зовут?

– Я... Нет, вы не поняли, это меня хотели убить!

– Да я понял, только начать надо все равно сначала. Итак.

Привел я тебя вчера ночью домой.

– Я только встала, нигде не была, ни с кем не разговаривала!

– Ну ты же оказалась на улице, как это получилось?

– Позвонила подруга. Мы должны были встретиться. Я оделась, вышла на улицу, – Соня понемногу успокаивалась, – а этот инвалид в окне... Он всегда там сидит, он сидит там круглосуточно! Когда бы я ни шла, он всегда там сидит. И

всегда предлагает мне посмотреть... – Соня запнулась. – Но я ни разу не видела. Я его... Он подтягивается вверх на руках, а я вниз приседаю. Он злится ужасно, кричит. Кричал. А потом вдруг упал. Я хотела посмотреть, что случилось, а в него второй раз попали, коляска дернулась.

– Так, – берет ручку Карпелов, – сегодня ты у нас сама по себе, то есть Сирия Альбертовна Талисманова, адрес. Пошла ты погулять к подруге, а инвалид в окне стал предлагать тебе посмотреть неприличную вещь. Голый, подтягивается на руках в инвалидной коляске, ты ужасно рассердилась.

– Я не рассердилась!

– Угрожала несчастному, Сирия Альбертовна?

Соня задумчиво посмотрела на сидевшего перед ней Карпелова. Карпелов быстро бросил ручку и поставил раскачиваемый стул на четыре ножки. Соня приподнялась и придвинулась поближе к Карпелову, он побледнел.

– Майор, – сказала она шепотом, – меня хотели убить, мне нужна охрана, пока вы не найдете убийцу.

– Охрана? – не поверил майор.

– Охрана!

– Тебе?

– Мне!

– Ну да, крепкого такого мужика? Пока, значит, я не найду убийцу. Ты хотя бы представляешь, сколько несчастных покалеченных хотят тебя пристрелить?!

– И что же мне делать?!

– Коньяк будешь? – спросил Карпелов. – Тебе надо выпить.

– Буду, – вздохнула Соня.

– Тогда возьми в шкафу, и чашки там есть.

Соня удивленно посмотрела на Карпелова, но подчинилась. Встала, нашла початую бутылку. Карпелов сидел не двигаясь.

– Налей себе, только не увлекайся, – он внимательно наблюдал откручивание пробки, – а мне не надо. Ты к психологу ходишь?

– Хожу. – Соня глотнула и скривилась.

– Когда у тебя назначено в ближайшее время?

– Сегодня групповое занятие, а по пятницам я тридцать минут одна лежу на кушетке.

– На какой кушетке?

– На кушетке в кабинете у психолога.

– Как в кино! – восхитился Карпелов.

– Нет, получше. Она тоже лежит на соседнем диване. И вопросы ей задаю я, а она на них отвечает.

– У вас в группе что, и мужики есть? – заинтересовался Карпелов.

– Нет. Психологическая помощь женщинам. Хотите прийти? Не советую. Тошниловка.

– Ты, Соня Альбертовна, сегодня обязательно сходи на это свое групповое занятие. Мороженого поешь, погуляй на воздухе с подружкой. А пока напиши мне в нескольких словах,

как все произошло.

– Майор, – задумчиво спросила Соня, – вы думаете, что у меня это... только с мужчинами так?

– Да я не думаю, Соня, я по фактам.

– Я напишу вашему начальству, чтобы меня охраняли!

– Напиши. Есть у меня один работничек, сволочь изрядная, пьет и жену поколачивает. Она мне жаловалась недавно, почему, говорит, его не пристрелят на задании, замучил и ее, и детей.

– Вы мне не верите, – вздохнула Соня.

В шесть десять Далила еще уговаривала себя подойти к проблеме профессионально и не нервничать. Она застряла на дороге в пробке. В шесть двадцать две уговоры перестали действовать. В машине рядом все окна открыты, спинки передних сидений опущены, в лобовое стекло упирается полная женская нога с высоким подъемом и стучит каблучком в такт. В какой-то момент удар получается более сильным, срабатывают «дворники». Далила сама себе предлагает немедленно набросать условный образ водителя, занимающегося любовью во время пробки на дороге. Открыв окна! Итак, начнем. Проблемность во взаимоотношениях с женщинами, обжегся на женитьбе, нравятся сцепления в подворотнях, в подъездах, чем больше проблем при сексуальном контакте, тем больше возбуждение. В возрасте. Неврастеник и циник. Боязнь приключений и жизненных неожиданностей

при очень сильной потребности этих самых приключений и неожиданностей. Случайные попутчицы все равно какого возраста, судорожные пятиминутки. Почувствовав боковым зрением движение в машине рядом, Далила поворачивается и, слегка оторопев, наблюдает, как с полной раскрасневшейся женщины сползает худой болезненный очкарик не старше двадцати пяти лет. Он смущенно застегивается, а на место водителя садится женщина! Очкарик что-то говорит, женщина смеется, сверкнув золотым зубом, он слегка испуган, быстро оглядывается, а наткнувшись на взгляд Далилы, краснеет.

– Двойка вам, Далила Марковна! – говорит себе Далила, наблюдая, как мужчина из машины рядом выходит, прижимая к себе журнал и пакет кефира. Опустив голову, он обходит стоящие машины и направляется к остановке. – С минусом, – вздыхает Далила. Женщина, остановив «дворники», закуривает, поправляет волосы, потом поворачивается и подмигивает Далиле. Настроение испорчено окончательно.

Через пятнадцать минут, с трудом справившись с тяжелой дверью, Далила входит в Центр, стучит по стойке вахтерши, требуя ключ. «Я купаться пош-ла, я рубашку сня-ла, – поет низкий женский голос, – распустила я косы, в темну воду вошла». Далила тихонько подходит к комнате дежурной, она попадает как раз на припев, припев Ева поет вместе с вахтершей: «Не смотри на меня, я еще не твоя, поплывем на луну в глубину!» Ева видит Далилу, вытаращившую глаза,

улыбается ей и кивает на почти пустую бутылку водки. Раскрасневшаяся вахтерша дирижирует пальцем. «Ты рубашку порвал и за косы хватал, не умел, видно, плавать, только рот разевал! Ты не трогай меня, я еще не твоя, поплывем на луну в глубину!»

Ева снимает со своих плеч тяжелую полную руку, осторожно укладывает женщину на лежанку и выходит к Далиле.

– Что это такое? – спрашивает Далила шепотом.

– Ночная песня русалки! Самодеятельная психотерапия, да не смотри ты на меня так, я как минимум шести мужикам спасла жизнь. Где вы взяли эту мужененавистницу?

– Ты напоила вахтера в рабочее время и на рабочем месте! Ее же уволят. Что ты вообще здесь делаешь?

– Я тебя жду. Я пришла на сеанс.

– На какой сеанс? – Далила останавливается и начинает быстро скручивать свободной рукой прядку волос в жгут.

– Не нервничай, психолог. Я пришла к тебе на сеанс. Можно? У меня проблемы. Нужна помощь.

– Я тебе не верю. Давай решим твои проблемы в домашней обстановке.

– Э нет, не пойдет. Я читала твою статью в «Психологии». Там написано о большом значении группотерапии.

– То есть ты пришла за помощью и у тебя проблемы, которые ты хочешь решить в группе проблемных женщин?

– Именно так.

– Сколько ты меня ждешь? – Далила подозрительно при-

щурилась.

– Ой, слушай, очень давно. Я успела сходить за водкой, напоить вахтершу, притупить ее бдительность настолько, что она не заметила нескольких мужичков, выучить три песни. Хочешь, спою. Эту знаешь? «Напилася я пьяной, не дойду я до дому, увела меня тропка дальняя до вишневого сада». Не знаешь? Ну песню русалки ты слышала, а вот еще...

– Хватит. Ты действительно не в себе. Ты пила?

– Я не пила, это песня такая. «Напилася-а-а я пьяной! Не дойду я до дома-а...» Это песня, понимаешь, а я не пила. Сколько у тебя человек в группе?

– Шесть. – Подозрительность Далилы не прошла.

– Возьми меня седьмой, психолог, мне очень надо.

В холле на втором этаже им навстречу поднялись четыре женщины.

– Это вы, я так и знала! – Соня Талисманова от возбуждения и радости зажала ладошки между коленками. – Карпелов мне поверил! Я на такое и не надеялась! – Она подошла к Еве и вцепилась в нее. – Вы будете меня охранять?

– В каком смысле? – оторопела Ева.

– Меня сегодня хотели убить! Два выстрела!

– Дамы, извините за опоздание, прошу всех в кабинет. Соня, не приставайте к новенькой. – Далила скорчила Еве рожицу: хотела группового кайфа – получай!

– Как это – к новенькой? – пробормотала Соня.

Высокая длинноволосая женщина улыбнулась и кивнула,

а проходя мимо Евы в кабинет, поправила узкой ладонью в прозрачной черной перчатке медальон на шее. Продолговатую золотую каплю на тонкой цепочке.

Женщины рассаживаются в комнате с затемненными окнами. Далила зажигает несколько свечей в пузатых бокалах, сама садится за маленький столик с завешенной платком настольной лампой, достает папки, магнитофон и предлагает желающим закурить. Одна из женщин тут же судорожно роется в сумочке, достает сигареты. Оглядев присутствующих, она вздыхает.

– Как всегда. Нет огня! Почему нет огня? Это мучительно в конце концов!

– Анна Павловна, вы навязчиво привлекаете внимание.

– Простите...

– Я прошу вашего разрешения принять в нашу уже устоявшуюся группу новенькую. – Далила задумалась, потом решила: – Не буду скрывать, что это моя близкая подруга, но мне в голову не приходило приглашать ее на групповые занятия. Она захотела сама. Ее зовут Ева. Прошу коротко рассказать Еве о себе, чтобы она представила, какого рода информацию должна будет рассказать нам. Анна Павловна, вы, конечно, будете первой.

– Благодарю. Я пришла в группу сама после неудачного лечения. Я занимаюсь наукой. Моя работа – это государственная тайна. Я очень важный человек, меня охраняют.

– Простите, Анна Павловна, – перебила Далила, – вы обе-

щали говорить более конкретно про лечение.

– Да. Конечно. Я лечилась от алкоголизма. От условного алкоголизма. Я не была алкоголиком, но все на работе считали меня пьющей. Моя профессия очень редкая и ответственная. И вот я должна была обратиться к врачу, который лечит от пьянства, а я не пила, понимаете, мне сказали на работе обратиться. Я обратилась, меня лечили в клинике. Теперь я считаюсь вылеченной, но как не пила, так и не пью. У меня редкая специальность в физике. Меня охраняют.

– Спасибо, Анна Павловна. У вас в сумочке есть зажигалка.

– О, конечно!... Только я не курю.

– Кто следующий? – Далила делала быстрые записи в блокноте.

– Можно я? – Изможденная женщина подняла руку, как школьница. – Мне пятьдесят два, последние два года я постоянно смеюсь. Наблюдалась у психиатра, вот теперь Далила Марковна взяла меня в группу. Она говорит, что я здорова. Только у меня проблемы с контактностью. Я санитарка.

– Леночка смеялась все время, как только кто-нибудь рядом с ней начинал что-то говорить. Однажды зашла в нашу группу со своим врачом и перестала смеяться, – Далила грустно улыбнулась, – она у нас здесь не смеется, даже когда бывает очень смешно. Кто следующий? Соня?

– Мы знакомы. – Соня напряжена и смотрит в пол.

Далила, стараясь скрыть удивление, быстро смотрит на

Еву и на Полину.

– Можно высказать предположение? – Она прикусывает ручку. – Ева, ты пришла в группу, будучи уже знакомой с Соней и с Полиной?

– Да, – Ева кивает, – это так. Привет, Полина. Привет, Соня.

– Ты знаешь их истории?

– Нет, – Ева трясет головой, – мы не успели поговорить о наших проблемах, в момент знакомства мы были заняты другими делами.

– Далила, будьте добры, обозначьте мою проблему в двух словах. – Полина прикрывает длинными ладонями свой бокал со свечкой.

– Нет, Полина. Вы сами.

– Ну хорошо. У меня одна проблема. Я летаю.

– Как? – глупо спрашивает Ева в полной тишине.

– На меня иногда находит. Я тогда плохо себя понимаю и летаю. – Полина неуверенно улыбается и пожимает плечами.

– А меня, – громко и возбужденно произносит Соня, – вся милиция моего района зовет чумой, я покалечила столько мужиков, что даже вспомнить точно не могу.

Наступает тишина. Далила ободряюще улыбается Еве. Ева внимательно разглядывает комнату и обнаруживает под потолком два глазка видеокамер.

– А, извините, я задумалась. Теперь моя очередь? Ну, я с Далилой знакома давно, ее пригласили меня тестировать, ко-

гда я работала следователем и застрелила на допросе осужденного. Я накручивала мужиков до состояния сексуального возбуждения, а потом стреляла им в лоб. Я хорошо стреляю. Одного бандита, правда, пришлось зарезать. Огнестрельного оружия под рукой не оказалось. Ну, еще одного я довела до самоубийства, это грустная история. Что касается личной жизни, то и тут у меня не все ладно. Я забрала себе новорожденных детей умершей подруги. До этого увезла уже взрослого мальчика из публичного дома. Усыновила. А мамаша из меня плохая, Далила знает. Вроде все. Я не могу конкретно определить несколькими словами все, что во мне неправильно, у Далилы на этот счет есть заключение и конкретные разработки. Она считает меня социально опасной.

– Мы здесь доверяем друг другу, – медленно проговорила Далила. – Ты забыла про изнасилование.

– А, да, было. Я пришла убить киллера, приковала его наручниками к кровати, а пока мы боролись, впала в состояние возбуждения и...

– Это что, все серьезно?! – Полина посмотрела на Далилу с недоумением.

– Это правда, – кивнула Ева, – но, когда об этом вот так рассказываешь при посторонних людях, чувствуешь себя полной кретинкой.

– Можно я скажу? – В голосе Анны Павловны слышна истерика. – Вы красивы! Я не знаю... Вы смотрите на себя в зеркало? Вы видите, какая вы? Вам можно все! Почему вы

здесь?

– Отличный вопрос, – похвалила Далила.

– Мне кажется, что я не все делаю правильно. Не так, как надо. Я была бы очень счастлива, если бы ни в чем не сомневалась. Но я сомневаюсь и боюсь. Мне скоро надо будет рассказывать детям о себе.

– Однажды я мыла полы! – громко сообщила Леночка. – Я работаю санитаркой в больнице, я мыла полы, а один хирург хотел обойти меня сзади, стал прыгать от швабры, стало так смешно!

Несколько минут полной тишины. Соня не выдерживает неподвижности, начинает возиться в кресле, Леночка вздрагивает.

– Да, я хочу сказать, что мне очень захотелось вот так делать ему тряпкой, чтобы он прыгал. Если бы я была такой, как Ева, я бы...

– Вы бы, Леночка?.. – Далила не дает женщине впасть в задумчивость.

– Я бы стреляла и насиловала их на каждом шагу.

– А я люблю мужчин, – заявляет Полина, потягиваясь, – я работаю манекенщицей, мужики отлично шьют, с ними можно поговорить обо всем: о политике, о сексе.

– Ну хорошо, сударыни, давайте определимся с уроком на сегодня. Мы прошли два уровня первоначальной подготовки, и вы все были очень даже хороши. Хотите еще поупражняться с моделями поведения, или перейдем к следующему

уровню?

– Я бы хотела повторить самолет, – громко сообщает Анна Павловна.

– Хорошо, кто будет с Анной Павловной в самолете?

Соня поднимает руку, Леночка, подумав, тоже неуверенно тянет вверх ладошку примерной школьницы и обращается к Еве:

– Давайте с нами! В самолете террористы убили одного пилота. Летим?

– Надеюсь, это была не я, – бормочет Ева, поднимая руку. Полина смотрит на нее насмешливо, наклоняется и тихо спрашивает:

– Ты не хочешь быть убитым пилотом или террористом?

– По условной логике рядом с вами находятся: мужчина, женщина, ребенок и старый человек. – Далила делит лист бумаги на четыре части линиями сверху вниз.

– Женщину тошнит, она блюет и блюет, – мечтательно улыбается Леночка, – ребенок плачет, мужчина пытается вырвать оружие у террориста, его бьют по голове ракетницей, кровь заливает лицо, он падает без сознания. Старуха просится в туалет или делает под себя. Я помогаю женщине, на меня кричат. Я все это говорила в прошлый раз. Чего хочет Анна Павловна?

– Я хочу пройти в кабину пилота. Я вру и говорю, что я врач. Меня пропускают, я быстро меняю координатную сетку в компьютере.

– Анна Павловна, в прошлый раз вы уговаривали террористов не лететь в Иорданию и очень подробно описали государственный строй в этой стране, статус иностранцев, перечислили страны, с которыми Иордания поддерживает отношения. Почему вы сейчас решили взять управление полетом в свои руки? – Далила пристально смотрит на Еву.

– Я вспомнила. – Анна Павловна говорит, опустив голову, словно провинилась. – Я вспомнила, мы ставили систему защиты на самолеты, правда, на военные, но потом эту систему предлагали и гражданской авиации. В момент опасности летчик меняет заданную координатную сетку... Я не должна все это подробно объяснять вам. Я не должна, вы не поймете...

Анну Павловну перебивает Соня:

– Ну уж если все эти, как их, логические условности в виде женщины, ребенка, старика и мужика остаются как раньше, то я могла бы конкретно заняться террористом. Самолет качнуло, он падает и нечаянно стреляет в себя или в другого террориста, а Анна Павловна в кабине пилотов уже бы изменила эту, как ее...

– Ты все время перебиваешь. – Полина, прищурившись, смотрит на Соню, и в ее голосе слышна угроза.

– Нет, Соня, – Ева перетягивает на себя удивленный взгляд Сони, – стрелять в самолете нельзя.

– Если ты летишь с нами, – обрадовался Соня, – ты сделаешь все, что надо, с террористом и без выстрелов! Я видела,

как ты это делаешь!

– Случаются такие условия, когда нужно затаиться, помочь тем, кто рядом с тобой, пресекать панику и просто вести себя правильно, без провокаций. – Ева обращалась к Соне, но заметила разочарование на лице Леночки.

– Сударыни, послушайте, – вмешивается Далила, – этот тест совсем не предназначен для определения роли условного спасателя. Вам предлагалось просто быть пострадавшими. Террористы – условность, вроде землетрясения. Вы должны описать свое поведение относительно женщины, мужчины, ребенка и старого человека рядом с вами, а не относительно пилотов и террористов. Это, кстати, очень показательно. Я считаю ваше возбуждение вполне закономерной реакцией на рассказ Евы о себе. Этот рассказ оказался для вас провокацией, теперь вы должны понять мое определение, которое высказала сама Ева. Она социально опасна.

– Давайте вывод! – потребовала Полина.

– Полина, вы нервничаете, а ведь я надеялась, что хотя бы вы не поддадитесь влиянию Евы.

– Я не поддаюсь, меня злит эта поскакушка Соня.

– Так или иначе, она вас сегодня злит, почему бы это? Что изменилось? – Далиле никто не отвечает, она начинает говорить медленно, понизив голос. – Вывод. В нашей группе появляется женщина, которая очень эффектна и ко всему прочему рассказывает о своих достоинствах и возможностях как о проблемах. Вы в недоумении. Достоинства ее налицо, о

возможностях она вам поведала в двух словах. И вы бездумно подчиняетесь ее влиянию. Вы становитесь агрессивны.

– У меня болит голова. – Анна Павловна стучит по вискам пальцами, словно пробует клавиши незнакомого инструмента.

– Хорошо, на сегодня все. Завтра я встречаюсь с вами по очереди и буду очень рада, если вы мне расскажете о ваших выводах по поводу сегодняшнего занятия.

– Можно вопрос? – Полина обращается к Далиле, а смотрит на Еву. – Вы сказали, что она ваша подруга. Как вы с нею справляетесь?

Далила замирает на секунду, потом выключает магнитофон.

– Я просто влюблена, – говорит она. – Это единственный способ с ней справиться.

Из Центра вся группа выходит вместе. На улице у своего «Москвича» стоит Карпелов и улыбается.

– Карпелов, – Соня машет ему рукой, – отвезите меня домой.

– Извини, детка, – Карпелов быстрым равнодушным взглядом профессионально выбрал и осмотрел высокую Полину, – я очень занят. Ева Николаевна, вы мне нужны.

– Отвезите меня домой! – топает ногой Соня, ее лицо и шея краснеют.

– Соня, не приставай к мужчине. – Далила обнимает Соню

за талию и кивает Карпелову. — Кстати, майор, я очень хочу побеседовать с вами.

— Да я с радостью! Можно мне прийти, когда все лежат на диванах?

Ева провожает взглядом уходящую Полину, Анна Павловна артистично усаживается в самый настоящий лимузин, шофер ждет, склонившись, и захлопывает дверцу, Леночка неуверенно топчется, Далила берет ее под руку.

— Мы пойдем, — говорит она, — а на диванах я лежу с моими женщинами как раз завтра. Если у вас проблемы с коллективом или пристрелили кого-нибудь не того, милости прошу к концу рабочего дня.

Она уводит Соню и Леночку с собой. Соня еще злится, но Далила постепенно втягивает ее в разговор. Разговор у них получается странный, Далила убеждает Соню поверить в ее способности настоящего специалиста, а Соня говорит, что она не представляет себе, как вообще можно считать «так называемую психологию» специальностью. Далила берется защитить профессию и доказать свою состоятельность как специалиста немедленно. Она просит Леночку отдать ей ракетницу. Леночка бледнеет и старается вырвать руку, Далила ее руку держит крепко, Соня, вытаращив глаза, смотрит на их возню, большая хозяйственная сумка Леночки падает со стуком на асфальт.

— Леночка, — говорит Далила, отпустив женщин и присев над сумкой, — вы меня очень огорчаете. Можно я залезу в

вашу сумку и заберу оружие?

Леночка молча плачет.

– Как вы... Откуда вы узнали? – лопочет Соня. – Вы это из-за ее слов про историю в самолете? – Она поворачивается к Леночке и первый раз внимательно разглядывает худое тело в платье зонтиком, уродливые босоножки, яркий красный лак на пальцах ног и вдруг обнимает женщину и прижимает к себе. – Леночка, не плачьте, смейтесь, Леночка! Если бы вы только знали, как же тяжело убивать этих долбанных мужиков, как потом тяжело!

– Я не понял конкретно, – спрашивает у Евы Карпелов, разглядывая фигурки трех женщин вдалеке, – я действительно могу прийти полежать на диване? Мне уже давно пора полежать со специалистом, у меня наступает помутнение сознания.

– Чем помочь? – спрашивает Ева.

– Помоги, Ева Николаевна, если ты, конечно, согласна в такой прекрасный вечер поехать со мной в морг.

– Ты знаешь, как завести женщину, Карпелов.

Климентий Фабер не поверил сам себе, когда притормозил у той самой остановки. Он рассматривал светящуюся вывеску на магазине, сидящих на скамейке в стеклянной будке остановки людей, мусор на газоне и рекламную надпись на урне, больше напоминающей почтовый ящик на длинной

ножке. Через несколько минут Фабер затаился и задержал дыхание. По тротуару шла вчерашняя девчонка, которую он уговаривал поесть с ним. Голова опущена, ноги еле передвигает. Для горящего яркими огнями московского вечера она была странно одета: короткие шорты и облегающий топик, но у Фабера стукнуло невпопад сердце, когда, споткнувшись, маленькая женщина выставила вперед руку, не упала, проскочив выбоину в асфальте, и выющиеся рыжие волосы, небрежно пару раз переплетенные в незакрепленную короткую косичку, взметнулись, закрывая лицо. Он завел мотор и осторожно тронул машину, двигаясь за ней. Метров через пятьдесят женщина заметила краем глаза его медленное движение, сначала посмотрела мельком, потом узнала и застыла, прижав к груди сумочку. Фабер остановил машину и открыл переднюю дверцу. Женщина стояла не двигаясь. Фабер молча ждал.

– Это вы в меня стреляли? – вдруг спросила она, наклонив голову набок и рассматривая издали внутренность кабины.

Фабер отрицательно покачал головой. Соня, оглянувшись, неуверенно подошла поближе.

– Мне не надо никуда ехать, я тут живу. – Соня заметила, что кричит, а мужчина в машине сидит спокойно и смотрит перед собой. Она подошла еще ближе: – Покажите руки!

Климентий Фабер сначала сам внимательно осмотрел свои ладони, потом показал руки Соне. Она подошла совсем близко, наклонилась, осматривая заднее сиденье.

– А как ваши?.. – Соня показала рукой на свой рот. Климентий Фабер покорно ощерился, приподняв верхнюю губу, и продемонстрировал воспаленную десну. – Ужас, – нахмурилась Соня, – а больше ничего не болит?

Мужчина подумал несколько секунд, потом опять покачал головой: нет, ничего больше не болит.

– Ну, это ничего, это пройдет. – Соня осторожно присела на край сиденья, оставив ноги снаружи. – Я уже думала, думала... Вот, например, мой сосед с третьего этажа, он себе в руку щепку загнал, руку пришлось отрезать, он должен быть злее, чем вы. Но мне кажется, что стрелять скорее всего могли вы. У вас есть оружие?

Фабер кивнул:

– Есть.

– А вы случайно его не теряли?

Фабер качает головой из стороны в сторону.

– Вчера, когда мы с вами расстались, когда вы... Когда вас врезалась машина, я поехала на занятия, а потом возвращалась в метро. Туда вошли трое хулиганов, стали приставать, один из них ударил меня в лицо, от этого получился синяк. Если вам станет легче, можете сколько угодно смотреть на мой глаз. – Соня подвернула под себя ногу и повернулась лицом к Фаберу. Фабер медленно, словно это далось ему с трудом, повернулся к ней. – Я думаю, он уже умер где-нибудь в больнице, потому что...

В этом месте Климентий Фабер, словно во сне, протянул

руку, захватил голову женщины, которая поместилась у него в ладони, притянул к себе и так крепко прижался ртом к ее губам, что застонал от боли. Соня оттолкнула Фабера и, глотая воздух окровавленным ртом, выпала из машины. Она отбежала на безопасное расстояние, вытирала рукой губы, плевалась и кричала. Фабер достал платок и протянул ей изда- лека, не двигаясь с места. Соня пришла в полное иступле- ние, зло потоптавшись на месте, она стала быстро уходить от машины, а Фабер промокнул платком свои губы, провел языком по кровоточащей десне и положил голову на руки, скрещенные на руле.

Он приехал к Стасу Покрышкину после одиннадцати. Звоня в толстую металлическую дверь, задумался и, когда дверь открылась на него, прищурился от яркого света и огромного пространства с белыми стенами, белым потолком и полом, выложенным светло-голубой плиткой. Пока Фабер шел к кухне, Стас гасил одну за другой осветительные лам- пы, Ангел Кумус ковырялся в камере, а с круглой кровати на постаменте сползли две голые девушки, раскрашенные под змей. В свете гаснущих ламп прощально сверкали наклеен- ные слюдяные чешуйки на длинных гибких телах.

– Клим, посмотри вот эту. Настоящая живопись! – По- крышкин усадил девушку и расставил ей ноги. Девушка смотрела перед собой равнодушно, ожидая, пока Фабер вни- мательно рассмотрит черно-красную бабочку, телом кото-

рой были гениталии, а крылья раскрывались по внутренней поверхности бедер.

– Наколка? – удивился Фабер.

– Нет, рисунок. – Покрышкин чуть сдвинул ноги девушки. Бабочка шевельнулась, потом ноги широко раздвинулись – бабочка раскрыла крылья. – Ты что такой пришибленный?

– Проблемы, – задумчиво определил свое состояние Фабер. – Надо поговорить.

Девушек выпроводили в костюмерную, мужчины устроились в кухне. Покрышкин предложил пить водку из кактусов, Фабер нашел в холодильнике сок, а Кумус занялся чаем.

– Кому ты продаешь «мясо»? – спросил Фабер, дождавшись, пока Стас перестанет кривиться после выпитой рюмочки.

– Финнам, – спокойно ответил Стас. – Если без монтажа, просто чистую съемку аборта или расчлененки в морге – это дешево. Если с монтажом, но без игрового подхода – по тыще за кассету, если с игровой вставкой, ну, например, клип, когда все про любовь, красиво, потом возлюбленного подробно убивают, а девушка кончает с собой, и патологоанатом, натягивая перчатки, берет в руки электропилу и говорит что-нибудь значительное в конце – это идет в среднем по две за кассету. На кассете четыре пятнадцатиминутки.

– Как это вывозят из страны?

– Понятия не имею! Ты к этому не относишься ну никак, понимаешь, никак!

– Ты снимаешь скрытыми камерами у Натальи, когда приезжают клиенты?

– Нет.

– Нет?

– Нет. Гарантия полной безопасности и комфорта для клиентов. У нее на хуторе я делаю только то, что она скажет. И когда ты там оттягивался с негритянкой...

– Я понял, – перебил Покрышкина Фабер.

– Ты не до конца понял. Ты сам тогда просил снять негритянку, голую, на снегу. Что я тебе ответил? То-то же. Наталья сказала: никаких съемок.

– Ладно, насколько «мясо» может быть неприятно для нас?

– Ни насколько. На «Криминальном канале» можно копаться за деньги в любом материале. Пятьсот баксов за ночь, и смотри не хочу всю архивную документальную съемку МВД по выездам на убийства. Операторы у них ни к черту, но кадры иногда попадают очень даже ничего, фактурные. Это тяжелый материал, требует большой монтажной возни. Я предпочитаю ставить по договоренности с медперсоналом камеры в отделениях, а если в морг привозят что-то уж очень «мясное», я плачу и за то, что мне позвонят и пригласят. Тогда Кумус снимает профессионально.

– А что с этого имею я? – поинтересовался Фабер.

– Ни-че-го. Это мой бизнес.

– Спасибо, – кивнул Фабер. – Тогда последний вопрос.

Если все так, как ты говоришь, если у тебя съемки полуофициальные, и финны народ молчаливый, и по снятым клипам трудно распознать умершего родственника, и денег я от этого никаких не имею, откуда об этом знает Пискунов?

– Хороший вопрос, – Покрышкин тщательно отмерял каплями текилу в прозрачную зеленую рюмочку, – а главное, очень творческий вопрос. Я тебе сейчас кое-что покажу. Кумус, принеси мою заветную шкатулочку. С замочком.

Ангел Кумус снял с трех высоких чашек крошечные крышечки, размешал длинной серебряной ложкой чай, понюхал парок, закрыв глаза, подвинул по чашке Стасу и Фаберу и ушел. Фабер разглядывал фотографии, которыми была заклеена вся стена у обеденного стола. Полсотни женских лиц.

– Покажи мне вот эту, – Фабер ткнул пальцем в одну из фотографий. Покрышкин, покопавшись в стойке на полу, шлепнул по столу прошлогодним номером «Плейбоя».

– А ты думал! – усмехнулся он удивлению Фабера. – Мы тоже, знаешь, можем!

Фабер открыл разворот журнала. Женщина была очень хороша. Кумус принес шкатулку. Когда резная деревянная крышка была откинута, мужчины с мальчишеским азартом склонились над ней.

– Вот эту, точно знаю, органы приклепали, когда я под следствием был! – Покрышкин осторожно достал небольшую пуговку с липучкой. – Под стол закрепили, да у меня, ты же знаешь, лепить особо некуда – одна комната восемьде-

сят квадратных, в ней кровать, столик, стены, пол и потолок. А вот эту, не поверишь, на стекло аквариума с лягушками. Жевательной резинкой! Прозраченькая. Кто – не знаю. Вот эта прослушка появилась, когда я одному бандиту подарок на день рождения устраивал, делал ему взрыв в области головы. А вот эти лапочки – безымянные.

– Не понял, – сознался Фабер, перебирая подслушки.

– У меня есть сильное подозрение, что одна из этих конфеток – Пискунова.

– Брось! – помотал головой Фабер. – Будет тебе Лев Иванович этим заниматься! На кой ты ему сдался?

– А ему не я нужен. Ему нужен Кумус. Я проговорился однажды, как Кумус пишет книги. Он ведь не умеет работать на клавиатуре. Он говорит. Ходит, делает что-нибудь, монтирует убирает – и говорит, говорит... Я ввожу его разговоры с пленки на компьютер.

– И что? – Фабер не верил своим ушам.

– Очень дорого. Этот переводчик стоит, как хорошая машина. Но Кумус – талант, я для него все сделаю.

– А что он пишет?

– Книгу про женщин, мужчин, детей, животных и богов. Руководство по выживанию.

– Ладно, – Фабер устал и не очень верил в то, что рассказал ему Стас. – Кумус пишет книгу, ты считаешь, что Пискунов его подслушивает, ты даже знаешь, на кой ему это надо, но хоть какие-нибудь доказательства этого у тебя есть?

Кумус поднялся, ушел и через минуту вернулся с книгой Велиса Уина «Последнее дело Сперматозоида». Он полистал книгу, нашел нужное место и показал Фаберу.

– Что такое? – Фаберу трудно было входить в текст, он ничего не понимал.

– Клим, ты не читаешь книги, которые издаешь? – Покрышкин посмотрел на Фабера укоризненно. – Но в чем-то ты прав, я тоже не читаю книги Пискунова. А тут вдруг случайно получилось. Смотри, в этой книге есть отступление, оно совершенно инородное. Пишет, значит, Пискунов про криминальные разборки, про красавчика агента военной разведки, и вдруг – совершенно странное отступление. Подробнейшим образом описывается таинственный вдовый дом и то, как женщины пользуются разными выходами в этом доме, чтобы избавиться от мужей. Этаким полумистический набросок для привлечения читателя более высокого уровня. Подожди, не перебивай, потом прочтешь. Я тебе сейчас распечатку покажу, где Кумус описывает этот дом как способ выживания женщин. Один к одному!

– Стойте! – Фабер поднял руки, сдаваясь. – Я знаю множество случаев, когда писатели крадут друг у друга то, что они называют идеями. Я не могу ничего сказать, пока не прочел. Мне пора. Ты меня озадачил.

– Я старался! – Покрышкин в раздумье смотрел на бутылку с кактусовой водкой, потом оторвал от нее взгляд. – Кстати! Ты сейчас смотрел журнал, и я вспомнил! У меня есть

еще другие снимки этой женщины, минутку!

Он долго копался в гардеробной, где две девушки курили, развалясь на полу на шкуре белого медведя среди стоек с одеждой.

– Вот, – Стас протянул Фаберу, уже стоящему в дверях, пачку фотографий. Фабер отобрал те, на которых женщина из журнала забавлялась с апельсином.

– Кто это? – спросил он, возбудившись и размахивая снимками перед лицом Покрышкина.

– Ты не поверишь, – Покрышкин виновато пожал плечами, – но до меня только сейчас дошло! Я никак не мог соединить вместе эти раздавленные задницами апельсины и ее!

В морге Ева Николаевна внимательно осматривала изуродованное тело, а Карпелов молча дышал ей в затылок. Когда Ева захотела перевернуть инвалида, Карпелов тронул ее за плечо и показал на лоток с перчатками.

Огромное, в мускулах, словно раздутое, тело мужчины лет сорока оканчивалось культями, ноги были ампутированы давно, вдоль грудной клетки проходил шов от вскрытия, отчего этот странный торс казался искусственным, недоделанным манекеном – пособием для культуристов.

– А что с пулями? – спросила Ева, натягивая перчатку.

– Есть пули. Да что толку? Оружие мы в жизни не найдем.

– Карпелов, – задумалась Ева, – а это не женский «вальтер»?

– Нет, посерьезней будет. Стреляли издалека, а удар получился очень сильный.

– Мне здесь делать нечего. – Ева вздохнула и сняла перчатку. – Особь мужская, физически развитая, гипертрофированная мышечная масса – возможны проблемы с сердцем, если принимал анаболические стероиды, при поверхностном осмотре никаких причин смерти, кроме огнестрельных ранений в область сердца, не предполагается. Поехали на место, посмотрим, откуда стреляли. У тебя были баллисты?

– Были, но отчет, сама понимаешь, представят только через день.

– Они нашли приблизительное место снайпера?

– Снайпера?

– Да, Карпелов, снайпера. Попробуй попади с дальнего расстояния два раза точно в сердце.

– А я как раз и подумал, чего это снайперу два раза...

– Да я тоже не понимаю. Он убил его с первого выстрела. Зачем стрелял второй раз?

– Придется учесть предположения Сони Альбертовны, что ее хотели убить. С первого раза не попали, стреляли второй раз.

– Мне надо позвонить. – Ева достала телефон.

Она дозванивалась долго и только в машине, когда Карпелов въезжал во двор, где жили инвалид и Соня Талисманова, смогла пробиться в справочную хирургического отделения больницы. Мужчина, который так неудачно пристал к Сонеч-

ке в метро и подбил ей глаз, скончался сегодня в двенадцать двадцать. Второй, с пробитой каблуками грудной клеткой, вне опасности.

– Говори, что узнала, – попросил Карпелов, когда они просидели минут пять, не выходя из машины, а Ева застыла неподвижным взглядом на приборном щитке.

– Ох, Карпелов, я лучше промолчу. Показывай место.

Они обошли дом и осмотрели все еще открытое окно.

– Какой у Сони рост?

– Метр пятьдесят четыре, я узнал. Смотри. Метр пятьдесят четыре у меня здесь, – Карпелов приложил ладонь к груди. – Если стреляли в Сонечку, то целились в голову.

– Не сходится. – Ева отошла на несколько шагов.

– А! Это потому, что Соня приседала. Инвалид подтягивался на руках вверх, а она приседала, спасая свое целомудрие от вида мужского члена. Он, по ее словам, для этого и подтягивался.

Они прошли к строящемуся павильону кафе. Ева прочла вывеску о подрядчиках, Карпелов светил фонариком. Разгребая ногами строительный мусор, Ева задержала руку Карпелова и осветила у одного из окон небольшую площадку, которую кто-то расчищал.

– Угадала, – улыбнулся Карпелов и осветил улыбку, направив фонарик себе в лицо. – По предварительным расчетам специалистов, именно здесь и сидел стрелок. У этого самого окна.

Ева Николаевна опустилаcь на колени и принялась. Потом она обнюхала вставленную раму без стекол и стенку возле нее.

— Ну и как? — поинтересовался Карпелов, когда она опять задумчиво уcтaвилась в окно. — Чем пахнет?

— Не обращай внимания, — Ева не заметила насмешку в его голосе, — у меня все признаки профессионального заболевания. Называется предвзятость. Наваждение какое-то, честное слово!

— Ты как бы уже знаешь, кто стрелял? У меня тоже бывает такое. Делись, Ева Николаевна, версией!

— Не могу. Кстати, про версии. Ты рассмотрел такую: Сонечка Талисманова, которая...

— Стреляет в инвалида сама, — закончил за нее Карпелов. — А как же, мои ребята, когда связали ее в отделении и заклеили рот, объяснили свое поведение именно такой версией, мол, сама Сонечка и сделала такую бяку. По правде говоря, они ее со страху заперли в камере в наручниках, но в объяснительной написали про версию. Я тебе так скажу: не ее методы. Совсем не ее. На кой черт ей оружие, она сама страшной атомной войны!

— Пороховой тест? — спросила Ева.

— Взяли. Чисто. В радиусе ста метров от дома оружие не обнаружено, обыск в квартире Сони ничего не дал.

— Слушай меня, Карпелов. В больнице умер нападавший из метро. Тот, который подбил Соне глаз.

– Я тебе говорил!

– Не перебивай. Что за этим последует? Ее должны вызывать как свидетельницу по убийству. Официально. Что делает Соня? Расскажет, кто с ней ехал в метро и кто стрелял. Если успеет.

– Ты ведь тоже знаешь, кто стрелял?

– Это очень странно, но я не видела, ни как эта дамочка стреляла, ни оружие, которым она пользовалась. Вчера я написала подробный рапорт по этому происшествию. Меня, конечно, вызовут, но такие показания, сам понимаешь... Если я думаю правильно, то тебе...

– Только не надо мне говорить, что я должен охранять Сонечку!

– Охранять Сонечку буду я, – говорит Ева и предлагает немедленно пойти домой к Талисмановой и убедиться, что еще есть кого охранять.

– Ты какой рапорт написала, я не понимаю?! – еле успевал за ней Карпелов. – Ну посадишь ты эту дылду за непреднамеренное убийство в метро, да еще учти, что она защищалась! Она и отсидит спокойно года два, а снайпера в ней тебе не доказать.

– Что ты такое сказал про дылду? Я тебе ничего не говорила!

– Да ладно, не говорила, а смотришь ты на нее как?

Они обнаружили Сонечку Талисманову сидящей на ла-

вочке у своего подъезда, с засохшей кровью на губах, уставившуюся перед собой в темное пространство двора и до того неподвижную, что у Карпелова дернулась рука потрогать у нее пульс.

– Сидишь? – спросила Ева, устраиваясь рядом с ней. Соня кивнула.

– А где ты, Соня Альбертовна, приложилась лицом, разреши поинтересоваться? – любопытствовал Карпелов.

– Я целовалась, – пробормотала Соня и вдруг выдавила длинными желтыми ресницами слезы.

– Ты, Соня, прямо как крокодил, загрызла кого-то и теперь плачешь. Вот не повезло мужику, – пробормотал Карпелов. – А я тебе охранника привел. Лучший в Москве специалист, снайпер, красавица и многодетная мать.

– Не нужен мне охранник, – вытерла щеки Соня, – все уладилось.

– Девочки, вы тут отдыхайте, а у меня работа. – Карпелов наклонился к Еве и прошептал на ухо: – Позвони мне домой попозже, расскажи, что и как.

– Что у тебя уладилось, Соня? – спросила Ева, провожая взглядом фигуру Карпелова, освещенную встречным фонарем. Карпелов шел браво.

– Все уладилось, это не в меня стреляли, а в инвалида. Он, наверное, кому-то очень не понравился членом. А мне пришла повестка. Скорей всего по поводу этой свалки в метро. А я ничего толком не помню и не знаю, зачем идти?

– Ну, Соня, мы ведь с тобой можем опознать женщину, которая стреляла. Мы, можно сказать, ее знаем, – осторожно предложила Ева, – тем более что мужчина этот, который на тебя напал, умер в больнице. А вот двое других живы, они тоже могут ее опознать, понимаешь?

– Понимаю, только я ничего не помню и женщину эту не знаю. О чем вы говорите? – Соня повернула к Еве равнодушное личико и для правдоподобия вытаращила глаза.

– Что случилось? Она уже поговорила с тобой?

Соня закрыла глаза и тяжело вздохнула.

– Это я поговорила с ней. Перед занятиями подошла и сказала, что совершенно ничего не помню. Женщину, которая стреляла в метро, не знаю, первый раз видела. Ну, хватит вам? Отстаньте от меня.

– И что она ответила?

– Ничего не ответила. – Соня еле ворочала языком. – «О чем это ты?» – удивленно так. А майор этот ваш – дурак! «Представь только, сколько мужиков хотят тебя пристрелить!» Я просила его по-человечески дать мне охрану!

– Перестань орать. Почему ты решила, что это она? Ты что, нашла оружие? Говори, ты нашла оружие на стройке?! – Ева схватила женщину за плечи и трясла.

– Я ви-ви-дел-л-л-ла ее, – испуганная Соня стучала зубами. Ева, очнувшись, разжала руки. – Она выходила со стройки. Я видела, я испугалась и побежала в милицию. Меня схватили, надели наручники, заклеили пластырем рот, свя-

зали ноги и заперли в камере! Если бы меня сразу нашел майор Карпелов, я бы все ему рассказала, пока боялась! А так я полежала, подумала. Вообще-то я и сейчас не очень уверена. Может, она там просто прогуливалась. Наверняка есть мужчины, которые с удовольствием меня пристрелят. Эти, которые остались живы... А ты почему так разволновалась? – перешла Соня на «ты». – Ты хочешь меня поохранять или ее поймать?

– Меня уже тошнит от твоих проблем. – Ева встала. – Пойдешь со мной к следователю?

– Я ничего не скажу. Я не знаю эту женщину.

– Дура ты.

– Сама дура. Иди и говори что хочешь.

– Кто тебе рот разбил?

– Никто не разбил, я уже сказала, что целовалась, а у него перед этим выбило зубы!

– Это какой-то бред, полный бред, – пробормотала Ева, сердито расхаживая перед лавочкой.

– Пойдем чай пить? – спрашивает Соня, судорожно вздохнув после слез.

– А твоя мать дома?

– Маменька? Дома. Где же ей быть.

– Тогда пошли со мной в кафешку вино пить. Вымой лицо и переоденься. Я подожду.

В половине первого ночи Полина занималась любовью с

директором агентства моделей «Статус-Икс». Она в полном восторге рассматривала в зеркале на потолке упитанное тело, полные короткие ноги директора и черную шерстку, равномерно покрывающую его спину, ноги и ягодицы.

– Почему тебя зовут Куница? – спросил мужчина, тяжело дыша. Он слез с Полины и сидел на ковре, расставив ноги и свесив на них живот.

– Не знаю, – солгала Полина, – но раньше я снималась в журналы для мужчин. Знаешь, где прилагаются размеры и номер телефона. Там меня называли по-разному. А знаешь, как называют тебя? – Полина перевернулась на живот и болтала ногами, ударяя себя пятками. – Суслик!

– Ты уволена! – Мужчина тяжело поднялся с пола. Полина захохотала.

Она встала, потянулась, подняв руки вверх, и мужчина залюбовался чистой линией ее длинного тела. Полина прогнулась назад и плавно коснулась руками пола, став на мостик. Мужчина задышал быстрее.

– Убирайся! – сказал он, отпивая из бутылки. – Мне завтра с утра работать, я уже двигаться не могу.

– Давай шестой раз для ровного счета. – Полина медленно встала с мостика.

– Нет! Уже был пятый раз для ровного счета. Невероятно!..

– Ну ладно тебе, когда еще сцепимся! Ты уже крест поставил на своем сексуальном обаянии, поверил жене, да? Про

трудный мужской возраст, так ведь? Взрослые дети, проблемы бизнеса, картишки по вечерам с друзьями, раз в месяц восторг до судорог – проигрался в казино! Посмотри на него! – Полина показывала пальцем мужчине между ног. – Сейчас мы выясним, кто главнее – ты или он.

– Убирайся, ты меня убьешь.

– Смотри, Суслик, потом пожалеешь.

– Не называй меня Сусликом!

Полина остановилась у открытого окна и засмотрелась на небо.

– Как хочешь, – сказала она равнодушно, и мужчину обеспокоил ее голос. Он повернулся и замер. Полина сидела скорчившись на подоконнике. Голову она запрятала в колени, распущенные волосы блестели, закрывая спину и плечи.

– Куколка, – пробормотал мужчина, крепко зажмурил глаза и открыл их пошире. Женщина сидела на подоконнике не двигаясь. – Двенадцатый этаж. Слезь, не балуйся.

Он не глядя, на ощупь, поставил бутылку и медленно подходит к окну. Полина глубоко вздохнула не разгибаясь, и ему показалось, что она нырнула вниз, все так же скорчившись. Несколько секунд полного оцепенения, потом мужчина ощупывает пустой подоконник. Он говорит: «Нет, не может быть!» – бежит к балкону и смотрит вниз. Ночное пространство одиноких фонарей, высвечивающих кое-где зеленые пятна газонов. Мужчина натягивает брюки на голое тело, бежит по большому залу с застывшими манекенами, по-

том по длинному коридору, давит на кнопку лифта, топает ногами. Выбежав наконец на улицу, он обходит огромный дом-башню, задирает голову вверх, чтобы убедиться, что вниз из того самого окна можно упасть свободно – никаких балконов или козырьков. Мужчина плетется обратно. Опять – ожидание лифта, ноги уже отказываются передвигаться, он разговаривает сам с собой, а когда возвращается в агентство, то не может точно вспомнить, была ли вообще женщина. Но кучка одежды на полу – платье с накидкой, трусики, а на трусиках медальон. Он стаскивает брюки, чтобы надеть трусы, медальон притягивает к себе, и вот мужчина сопит, подцепляя ногтем крышку, крышка не дается, он замечает ее сумочку на стуле, бросает медальон и высыпает все из сумочки на пол. Он хочет найти ее записную книжку, чтобы позвонить, вовлечь кого-нибудь еще в этот кошмар, прежде чем сообщать в милицию, но не может отвести взгляд от маленького пистолета, садится на пол, обхватив ладонью подбородок, чувствует что-то липкое и холодное под собой, встает на четвереньки и снимает с ягодицы использованный презерватив.

Далила сидит у открытого окна и слушает музыку в наушниках. За окном – теплая ночь. Иногда налетает ветер и шевелит два старых дерева во дворе. Второй час, хочется спать, но Ева просила ее дожждаться. Далила развернула стул, чтобы не мешала спинка, села и прогнулась назад, положив

голову на подоконник. Так видно только небо и самые верхушки деревьев. Где-то глубоко в беззвездном небе, ослепленном большим городом, плавает крошечное тело женщины, она голая, волосы развеваются, женщина спускается ниже и ниже. Далиле кажется, что ей знакомо это длинное тело, женщина вертится волчком, как фигуристка, оторвавшаяся прыжком от льда, взлетевшие волосы не дают разглядеть лицо. Далила закрывает глаза, ждет несколько секунд, а когда открывает, небо совершенно пусто. Странное беспокойство и посторонний звук, как будто падает большая птица, – шорох и свист ветра, Далила не успевает поднять голову и развернуться, почти вплотную к ее лицу приближается лицо, оно напряжено – сопротивление ветру в быстром полете, глаза кажутся размытыми по обе стороны лица, но это знакомые узкие черные глаза!

– Не-е-ет! – кричит Далила, дергается и падает со стула. Она слышит, как открывается дверь, вскакивает, выбегает в коридор, почти падает на Еву, вытаскивающую ключи, виснет на ней и только тогда вспоминает, что надо дышать, и вздыхает, судорожно и громко.

Ева медленно опускает Далилу на пол, стараясь не шуметь, расстегивает сумочку, вытаскивает пистолет, сбрасывает туфли и обходит квартиру.

– Чего орешь? – спрашивает она, вернувшись и закрывая дверь. – Кто тебя испугал?

– Я видела, – неуверенно говорит Далила, сидя на полу, –

нет, я сбрендила.

– Проговори словами все, что ты видела, каким бы странным это ни казалось. – Ева выдает любимую фразу Далилы и дергает ее за руку, поднимая.

– Там, на небе, летала голая женщина. – Далила неуверенно заглядывает в комнату, подходит к окну и поднимает стул. – Я сидела вот тут, она летала, я видела...

– Ты видела, что это твоя подопечная Полина, да?

Далила в ужасе смотрит на Еву, скидывающую с себя одежду, она идет за ней, автоматически поднимая с пола юбку, тонкую блузку, один чулок, другой...

– Откуда ты знаешь?

– Ты заработалась! – Ева открывает краны в ванной и забирает у Далилы одежду. – Ты неправильный специалист, очень прочно входишь в образ. У меня в сумке есть вино и шоколадка, иди и выпей немедленно, а то будет нечестно.

– Что – нечестно? – бормочет Далила, держа перед собой пустые руки.

– Ну, я отлично себя чувствую, в меру поддатой, а ты – испуганная и трезвая. Пей, надо поговорить.

Далила покорно идет в коридор, достает бутылку. Когда Ева выходит из ванной, обмотанная полотенцем, Далила стоит в кухне со штопором в одной руке и бутылкой в другой, неотрывно глядя в черное окно.

– Пробка, – бормочет она. Ева забирает штопор и бутылку.

– Пей! – Она ставит перед ней высокий бокал, и взгляд Далилы становится осмысленным, терпкий запах винограда словно прогоняет все страхи.

– Я хочу к нашим детям, – вздыхает Далила. – Я хочу к сыну, как я могла его бросить в этой деревне?! Почему ты не волнуешься за близнецов? Почему ты не пьешь?

– Я волнуюсь. Я все время думаю о них, но знаешь, у меня тоже есть профессиональные проблемы. Я видела столько смертей, что не боюсь именно своей смерти или смерти кого-то близкого. Только бы им не сделали больно и страшно. Только бы им не было страшно и больно!..

– Человеку должно быть больно и страшно, это естественный инстинкт самосохранения.

– Я вижу, ты уже в норме. Ну, что там тебе привиделось? Далила размахивает руками, у нее нет слов, она наливает себе вино и задумывается.

– Пошли уложимся поудобнее и поговорим, – предлагает Ева.

– Я ничего не понимаю, у меня никогда не было галлюцинаций. Я прекрасно себя чувствую, и группа подобралась вполне сносная. И с Кешей ничего не должно случиться. Он уже большой, он понимает. И маленькие наши, они... Нет, я ничего не понимаю.

Ева почти силой укладывает ее рядом с собой на разложенный диван.

– Мне хорошо, – улыбается Далила, – только голова

немного кружится.

– Расскажи про Полину подробнее. Кто она? Как пришла в группу?

– А что тебе конкретно надо? – спрашивает Далила, не открывая глаз. – Ты пришла на занятия, потому что ловишь или охраняешь кого-то? И не разыгрывай эти свои спектакли про проблемы, я тебя отлично знаю. Твои проблемы никогда не доставляли тебе никаких неприятностей ни на личностном уровне, ни на общеповеденческом. Скажи все честно. Мне так будет удобнее разговаривать.

– Ладно. – Ева укладывается на спину. – Я пришла в группу специально. Меня интересуют двое. Полина и Соня.

– Ну, Полина... В группе месяц, поведение – вызывающее, но когда она говорит про свои... полеты... – Далила споткнулась на слове «полеты», вздохнула и продолжила: – То становится очень беззащитной, взгляд растерян. Ты имей в виду, я все это тебе говорю, потому что верю – это действительно очень серьезно!

– Это очень серьезно, это на грани жизни и смерти. Мне надо посмотреть их дела. Страховые полисы, документы, анкеты. Если надо, я принесу официальный запрос. Итак, она летает. Она могла это придумать, чтобы быть в группе?

– Она могла сыграть проблему, это часто случается. У меня было один раз такое – женщина выдумала, что она ящерица, подробно описывала свои ощущения, куда прячет по утрам шкурку, а проблема заключалась в другом. Таким об-

разом она привлекала внимание и делала контакт на уровне информационного шока. Ей это было нужно, чтобы перехватить инициативу в разговоре. Когда Полина только пришла, я так и подумала. Я ждала, когда она скажет, что же ей надо на самом деле, и добросовестно участвовала в представлении «я сегодня опять чуть-чуть полетала». Но постепенно она начала говорить про эти полеты такие вещи... Как это объяснить... Я стала верить, что она действительно пришла из-за этого.

– А что, если это внушение наоборот? – Ева приподнялась и оперлась на локоть. – Ты так заигралась в поддавки, что сама себя обманула.

– Психолог, как врач или учитель, конечно, всегда имеет определенные симпатии и антипатии к своим больным и ученикам, но я Полину отторгаю, понимаешь, мой организм ее не приемлет, как что-то инопланетное. Она мне безразлична, я не могла поддаться ей. Я просто поверила, что она действительно имеет проблему, именно ту, какую назвала словами.

– А почему ей это мешает?

– Ну, представь. По ее словам, эти полеты случаются в моменты сильного напряжения или после сильного удовольствия. Полежала она хорошо с мужчиной – и за окно! У мужика судороги, потом выяснение отношений, когда она появляется через пару часов, а он уже окружен врачами и милицией. У нее нет постоянных партнеров, приходится ча-

сто менять работу. Кто-то из мужчин воспринимает такие ее странности как розыгрыш и мстит.

– И давно это у бедняжки? – спрашивает Ева.

– Не насмешничай. С детства.

– Вот именно ее детство меня очень интересует.

– Маленький шахтерский поселок. Неполная семья. Абсолютная свобода.

– Ты хочешь сказать, что у нее есть детство?

– А ты что хочешь сказать? Говори прямо, а то я не понимаю.

– Далила, слушай. Я думаю, что она появилась у нас в стране недавно. Она, конечно, русская, то есть на том уровне, что отлично владеет языком, но ее родина не здесь. Может такое быть?

Далила пожимает плечами:

– Вариант засланного агента? Все может быть, но почему ей не иметь при этом именно то детство, которое она описывает? Скажи, почему, по-твоему, она пришла ко мне в группу?

– Скажу позже, когда пойму. Пока что я в полном недоумении. Расскажи про Соню Талисманову.

– Ох, это серьезный психоз, отягченный неприятными жизненными случайностями.

– То есть она ничего плохого мужчинам не делает? – улыбается Ева.

– Слушай, она несчастная женщина. Есть такие люди.

Притягивают к себе неприятности. Что бы такой человек ни делал, ничего не получается. Вместо того чтобы поменять обстановку, образ жизни или хотя бы сходить в сауну и парикмахерскую, человек начинает вести счет неудачам, разбитым чашкам, испорченным утюгам и телевизорам, он начинает систематизировать свои несчастья. И все! Готов. Он заболевает и подспудно уже ждет неприятностей в любой момент. А Соня, несколько раз оказавшись рядом с несчастьем, теперь верит, что она – причина. И твой майор очень этому способствует, скажу я тебе! Я давно хотела с ним поговорить. Рядом с Соней кого-то убили, потом ее обидчик что-то себе повредил, потом пострадал сосед сверху, ну представь, каким же стражем закона надо быть, чтобы объяснять это присутствием Сони! – Теперь Далила приподнялась и повысила голос.

– А что в этой ситуации главное для лечения? – интересуется Ева. – Дать Соне возможность поверить, что она просто ящик Пандоры, и убедить ее пересмотреть свои взгляды на мужчин или уверять и уверять ее в том, что все это – случайности, ну подумаешь, убило насильника, соседу отрезали руку. Как только человек начинает ей надоедать или пугает ее – он умирает, причем быстро, либо получает увечья, так это же случайность, детка, ничего страшного, постарайся не выходить на улицу, и все!

– Слушай, – говорит Далила после минутного молчания, и ее голос не предвещает ничего хорошего, – ты же разум-

ная женщина, давай-ка с этой точки зрения объясним твои проблемы! Пришла ты на допрос, а осужденный на тебя запал, накинулся в камере, опрокинул стул, стал рвать одежду, почему бы тебе не отнестись к нему правильно, не уговорить его прекратить, не провести беседу о хорошем поведении? Нет, ты стреляешь ему в лоб. Не перебивай! Не будем рассматривать те случаи, когда ты сама провоцировала плохое поведение и убивала специально. Рассмотрим только случайности. На другом допросе подсудимому, с твоих слов, подготовили побег. В вещественном доказательстве – оружии были оставлены патроны, следователь на допросе в твоём присутствии предлагает подсудимому подойти и взять в руки это оружие. Ты чувствуешь опасность, опережаешь его руку на секунду, захватываешь голову и опускаешь ее к столу, протыкая ему статуэткой глаз! И вот я прихожу тебе помочь с психологическими проблемами. И я говорю: ничего, не волнуйся, это все случайно, подумаешь, пистолет случайно выстрелил, а статуэтка сама воткнулась в глаз, потому что подсудимый слишком низко наклонился, не волнуйся, это предметы такие странные вокруг тебя живут – пистолеты, статуэтки! Ты с ними поосторожней!

– Я ничего не понимаю! – успела вставить Ева, пока Далила глубоко вздыхала, успокаиваясь.

– Конечно, ты не понимаешь. Это перевертыш, от обратного. Теперь объясняю. Соня видит рядом несколько смертей, к ней подходит твой милиционер и соглашается, что это

она виновата. Понимаешь, не трамвай, не балкон, не щепка в перилах и не пострадавший, а она! Она была рядом, все дело в ней. И чтобы уж совсем закрепить в ней уверенность в такой вот ее сверхъестественной силе, направляет ее ко мне: научись, значит, жить со своими способностями, чтобы поаккуратней с ними управляться.

– Ах ты, разумная моя! – Ева садится на Далилу и слышит, как напрягается под ней сопротивляющийся живот. – Ты что сейчас в окне видела?

– Галлюцинация, – бормочет Далила, сталкивая Еву.

– Ага, галлюцинация, а я тебе сейчас еще про случайности расскажу. Едет Сонечка в метро, к ней пристаёт хулиган, даже бьет ее по лицу, синяк заметила?

– И что с ним случилось? – заинтересовалась Далила.

– Мертв! Огнестрельное ранение.

– Давай-ка я тебе сама расскажу дальше. У Сони оружия не было, и стреляла, конечно, ты. А Карпелов согласился, что этот несчастный погиб только потому, что напал на Соню, да?

– Ну, почти угадала.

– Этот тупой страж закона присылает Соню ко мне, потому что на нее напали, а тебя – потому что ты убила нападавшего. Ей он объясняет, что мужику не повезло, потому что он напоролся на Соню, а тебе – что ты только средство воздействия на мир, устроенный Талисмановой. Ну разве это не дурдом?!

– Ложись на бочок, я тебя обниму, и мы будем спать, – приказывает Ева.

– Что это за забота такая трогательная? – Далила послушно поворачивается на бок.

– У тебя проблемы, галлюцинации. А волосы пахнут сигаретным дымом. – Ева, повозившись, сильнее прижимается к Далиле и слушает ночь.

– Знаешь, что я подумала? – спрашивает Далила сонным голосом.

– Знаю. Спи. Поплывем на луну в глубину.

– Скажи... Если знаешь.

– Сама скажи, это же ты думаешь, а я только участвую.

– Я подумала... Почему между нами не лежит мужчина? Это ненормально.

Они затихают, и вдох накладывается на вдох, а выдох – на выдох, и если кто-нибудь подслушивает за окном, зависнув над землей, то подумает, что в комнате спит только одна женщина.

Пятница

В коридоре регионального Управления по борьбе с организованной преступностью полы не мыты, сквозняк таскает по старому линолеуму клочки пыли. Ева Николаевна в пятый раз смотрит на часы. Девять. Она ждет час.

В девять десять ее приглашают в кабинет. На столе начальника парит стакан с желтой жидкостью, Ева издалека вдыхает резкий запах мяты, и легким головокружением накатывает ощущение дежа вю.

– Вашу настойчивость трудно понять, – замечает начальник, закладывая под язык таблетку.

Ева достает документы, подходит и молча кладет их на стол.

– Что, новые соображения насчет неудачного выстрела?

– Никак нет.

– Ладно, посмотрим. – Он поправляет очки и перебирает листы с печатями и подписями. Ни тени удивления.

– Хотите поработать у нас в организации? – спрашивает мужчина, глянув поверх очков.

– Ознакомление с документами и результатами экспертизы. Разработка версии.

– Вы всегда добиваетесь своего, когда приспичит? – Начальник управления смотрит снисходительно, по-родственному.

– Так точно.

– Я против вашего назначения в любой отдел моего управления. Но моего согласия никто не спросил. Распоряжение вышестоящего начальства. За одни сутки вы получили четыре подписи, и это при том, что двое из этих людей, – он постучал пальцем по бумагам, и нервное движение руки выдало-таки его волнение, – отсутствуют в Москве. Я вас поздравляю. Что имеете сказать?

– Я вас тоже поздравляю. Я в общении приятна, в работе вынослива и сообразительна. В боевой подготовке и стрельбе со мной сравнится не всякий мужчина, а в силу внешней привлекательности и специфики организма я умею решать даже самые нерешаемые проблемы.

– Так, значит. И что это, позвольте узнать, за специфика организма?

– Я женщина, – гордо заявляет Ева.

– Это все? – спрашивает начальник управления.

– Это коротко.

– Ну вот что. Кабинет ваш – соседний с моим. Вам выделяется в помощь сотрудник. Прошу меня не беспокоить. Можете идти. Да, насчет специфики... Скандалов в коллективе не потерплю. Свободны.

Ева отпирает выделенный ей кабинет. Пыль и запустение. Окна не поддаются, но форточка открылась. В дверях кабинета останавливается девушка в форме и восторженно смот-

рит на Еву.

– Прапорщик Иванова! Приказано...

– Проходи, прапорщик Иванова. Ну вот, ты очень хорошенькая, а ваш начальник так разговаривал со мной, словно в коллективе одни мужики. Садись. Тебе рассказали, в чем заключается твоя работа?

– Так точно! – Девушка вскочила.

– Меня зовут Ева Николаевна. Можно тебя называть по имени?

– Люся! – Прапорщик опять вскакивает.

– Люся. Я приблизительно знаю, как в таких учреждениях можно получить нужную информацию быстро и без моральных потерь. Задание у нас важное и срочное. Помогите с характерами. – Ева видит удивление Люси и улыбается. – Ну, к примеру, мне срочно нужно заключение медэкспертизы, заключение патологоанатома, заключение ревизионной комиссии по поводу смерти заложника. Официально эти бумаги ко мне будут идти дня три. А мне нужно срочно. Ты меня понимаешь?

– В ревизионной комиссии по вашему выстрелу, – неуверенно говорит Люся, – работает хороший мужик, но пьющий. От него часто пахнет.

– Молодец, Люся! Что ты там сказала про мой выстрел?

– У нас про него все говорят. А медэкспертизу можно попросить у капитана Суркиной, она любит, чтобы все правильно было, запросы оформлены, чтобы все в ажуре, пони-

маете, и только тогда возьмет коробку конфет. В архиве у нас работает отличный старик, но курилка страшный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.